

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В.
Ломоносова ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МАГИСТРАТУРА

Магистерская программа «Международное экономическое право»

«Защита права собственности в период оккупации»

Выпускная квалификационная работа
Хрулёва Антона Александровича

Научный руководитель
Ассистент Машкова Екатерина Викторовна

Соруководитель: д.ю.н., профессор
Голицын Владимир Владимирович

Дата защиты: «___» _____ 2017 г.

Оценка: _____

Москва 2018 г.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Понятие оккупации в международном праве и особенности защиты права собственности	7
1.1. История становления понятия оккупации в период до принятия Гаагских конвенций	8
1.2. Гаагские конвенции и практика Первой и Второй мировых войн.	19
1.3. Анализ положений Женевских конвенций, направленных на защиту права собственности, и основные характеристики ситуации оккупации	40
Глава II. Правовой анализ ситуаций оккупации и практики органов международного и национального правосудия во второй половине XX - начале XXI века	56
2.1. Вопросы защиты права собственности в период оккупации на территории Республики Кипр	58
2.2. Вопросы защиты права собственности в период оккупации на Палестинских территориях	71
2.3. Вопросы защиты права собственности в период оккупации Ирака в 2003 - 2011 годах	80
Заключение	88
Список использованной литературы	91
Приложения	107

Введение

Актуальность темы исследования. Вооруженные конфликты, сопровождая всю историю человечества, ставили перед юристами все новые и новые вопросы, такие как защита гражданского населения, запрещенные методы и средства ведения вооруженного конфликта, правовой режим территорий, находящихся под контролем одной из противоборствующих сторон. И первоначально участники вооруженных конфликтов в своих взаимоотношениях руководствовались обычным правом (правовыми обычаями), однако к концу XIX века государства пришли к выводу о необходимости кодификации права вооруженных конфликтов.

Можно говорить, что необходимость регулирования ситуации оккупации возникла в период Нового Времени - вопрос о статусе территории в ходе боевых действий был поставлен в период Тридцатилетней войны, которая закончилась подписанием Вестфальского мира, имевшего важное значение для международного права, в частности в отношении определения и становления понятия «суверенитет», и в период Гражданской войны в Соединенных Штатах Америки (1861 - 1865), когда был принят Кодекс Либера, содержащий нормативное требование в установлении различия понятий «завоевания» и «военной оккупации».

Относительно вопроса защиты права собственности можно сказать, что он возник одновременно с вопросом о статусе территории, как в период оккупации, так и в послеоккупационный период. Лишения, порча имущества и разрушения - это малая часть несчастий (бедствий), которые терпело гражданское население от оккупирующей стороны. Однако с точки зрения военных властей - это были просто действия, диктуемые военной необходимостью при ведении войны на суше. Однако практика межгосударственного общения показала, что отношения, связанные с правом собственности нуждаются в регулировании на оккупированных территориях.

В настоящий момент вопросы связанные с регулирование ситуации оккупации все еще требуют дальнейшего разрешения, В основном они связаны с качественными характеристиками ситуации оккупации; международно-правовым признанием ситуации оккупации; имеющими место случаями незаконного переселения лиц на оккупируемые территории и необходимостью усиления мер защиты права собственности частных лиц. Особого внимания заслуживает и деятельность органов международного правосудия, связанная с защитой права собственности, в том числе и на оккупированных территориях. Изучение практики международных судов становится сегодня одним из условий понимания не только критериев ситуации оккупации, но и в свете значимости этого института, способного защитить права частных лиц, в том числе, и права собственности.

Объектом исследования является международно правовое регулирование ситуации оккупации, как нормами обычного права и нормами многосторонних конвенций, так и регулирование на основе отдельных межгосударственных соглашений, а также практика международных и национальных органов правосудия.

Предметом исследования выступают комплекс проблемных вопросов, возникающих в период оккупации, и касающихся, в частности, отграничения режима оккупации от «схожих» режимов; правовых последствий начала и окончания оккупации; а также проблем международной ответственности за причинение ущерба частным лицам и их собственности в период оккупации.

Целью исследования является комплексное, всестороннее изучение наиболее значимых теоретических и практических вопросов, возникающих в процессе возмещения вреда, причиненного частным лицам в период оккупации и выявление путей решения данных вопросов. Для достижения указанной цели представляется необходимым решить следующие **задачи**:

- изучить процесс формирования и развития норм международного права, права вооруженных конфликтов в период

оккупации, а также национальных правовых предписаний направленных на защиту права собственности в ситуации оккупации в историческом аспекте;

- провести исследование вопроса определения правопорядка, ответственного за защиту права собственности в период оккупации, особенно собственности частных лиц;

- критически рассмотреть нарушения международно-правового и национально-правового регулирования в ситуации оккупации, как со стороны оккупирующего государства, так и со стороны оккупированного государства или отдельных территорий, подвергшихся оккупации;

- выявить наиболее эффективные способы защиты права собственности в современных условиях и качественно изменяющихся случаях оккупации.

Теоретическая основа исследования. При довольно обширном количестве доктринальных исследований, посвященных праву вооруженных конфликтов, отечественные научные исследования, направленные непосредственно на изучение вопроса защиты права собственности в ситуации оккупации практически отсутствуют, исключением является Ф.Ф. Мартенс. В зарубежной науке количество работ, посвященных данной проблематики, значительно больше. Среди авторов можно выделить Ж. Пикте, Э. Давида, Э. Бенвенисти, М. Сассоли, А. Бувье, Л. Оппенгейма, Н. Андо, Л. вон Кёхлер, Е. Конторович, Дж. Вестлейк, Ф. Фишер, Э.Х. Фейлченсфелд, Э. Либлич и многие другие.

Методологическую основу исследования составили общетеоретические и специальные научные методы познания, предусматривающие всесторонность и взаимосвязанность исследуемых явлений; исторический метод, раскрывающий процессы формирования норм о защите права

собственности в ситуации оккупации др. Применение логического, сравнительного-правового, системно-структурного и иных методов позволило исследовать объект во взаимосвязи и взаимозависимости, выявить определенные тенденции, сформулировать выводы и предложения.

Апробация результатов исследования. Основные выводы, полученные диссертантом в результате проведенного исследования, получили апробацию на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы международной правосубъектности» в Казанском Федеральном Университете в 2017 году, и на VII Конгрессе сравнительного правоведения «Национальное и универсальное в праве: от традиций к постмодернизму» в Институте Законодательства и Сравнительного Правоведения.

Структура работы обусловлена основной целью и задачами и состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Глава I. Понятие оккупации в международном праве и особенности защиты права собственности.

Формированию понятия и такого правового режима как оккупация предшествовал довольно длительный процесс, связанный, во-первых, со становлением суверенитета государства, во-вторых, с ведением боевых действий (войн), в-третьих, с решением экономических и политических вопросов в постконфликтный период. Несмотря на то, что понятие «оккупация» берет свое начало еще в «Новое время», и в настоящее время в практике межгосударственного общения нет единого определения и исчерпывающего перечня значимых критериев понятия «оккупация», в соответствии с которыми было бы возможно ту или иную ситуацию абсолютно однозначно определить как оккупацию, а также единых доктринальных подходов относительно возможных видов (случаев) ситуации оккупации.

Интересным представляется тот факт, что становление понятия «оккупация» и формирование её правового режима за почти двухсотлетнюю историю претерпело довольно значимые изменения, а понятие «право собственности» в его фундаментальном значении осталось практически неизменным, за исключением все более усложняющихся национальных рынков, а впоследствии глобального экономического рынка. Право собственности, как одно из основных по значимости прав для формирования рынка и функционирования экономических систем, всегда было защищено правовыми институтами, как созданными в рамках государства, так и на международном уровне (межгосударственном и транснациональном).

Ситуация оккупации не явилась исключением для необходимости защиты права собственности. Сложность проявляется лишь при ответе на ряд вопросов: в каком объеме это фундаментальное право должно и может быть защищено, какие правовые инструменты должны быть задействованы при защите и какова заинтересованность оккупирующего и оккупированного государств в защите данного права?

1.1. История становления понятия оккупации в период до принятия Гаагских конвенций.

В период XVI-XVIII веков ни в правовой доктрине, ни в практике взаимоотношений политико-правовых образований в достаточной степени не было сформулировано и выработано понятие суверенитета государства¹. При этом завоевание одним публичным субъектом части территории другого публичного субъекта представляло собой не просто сложившуюся практику, но и было признанной с правовой точки зрения частью международных отношений. Как отмечает Ирине Ламеир, исследовавший европейскую практику завоевания, со становлением «правовой категории суверенитет» все больше возникала неопределенность («неустойчивость»), в ситуации изменения в «суверенном титуле» в отношении завоеванной территории².

Таким образом, одновременно со становлением (сложением) понятия суверенитет встал вопрос и о разграничении понятий «захват» и «оккупация», которые сопровождали межгосударственные войны. Например, Эрик Давид отмечал, что оккупацию следует отличать от завоевания, которое предполагает «полное подчинение побеждённого победителю, влекущее за собой конец войны и прекращение существования побеждённого государства»³, при этом нормы относящиеся к оккупации не применяются к «ситуации покорения»⁴.

Таким образом, формирующийся европейский порядок национальных государств и понятие национального суверенитета обусловили теорию, которая могла обеспечить обоснование более жестких ограничений на полномочия оккупантов. Эта новая теория отличала «оккупацию» от «завоевания» и была разработана в два этапа. Первым теоретическим шагом

¹ См: François Hotman, *Francogallia*, Latin text by Ralph Giesey, trans. J. H. M. Salmon // Cambridge: Cambridge University Press, 1972; Julian H. Franklin, *Jean Bodin and the Rise of Absolutist Theory* // Cambridge: Cambridge University Press, 1973; Fritz Kern, *Kingship and Law in the Middle Ages*, trans. S. B. Chrimes // Oxford: Blackwell, 1968

² Irénée Lameire. *Théorie et Pratique de la Conquête dans l'Ancien Droit* // Paris: Rousseau, 1902, 15

³ Эрик Давид, *Принципы права вооруженных конфликтов* // МККК, Москва, 2011, стр. 557

⁴ *Surrender, Occupation, and Private Property in International Law* // Oxford Monographs in International Law, 1991, p.36

было признание принципа неотъемлемости суверенитета с помощью силы, при этом ситуация оккупации как таковая не дает (обеспечивает) суверенитета над территорией противника⁵. Вторым шагом было признание того, что Грегори Фокс назвал «принципом консервации»⁶ - стремление защитить основы власти вытесненного правительства и, следовательно, наложить ограничения на управление государственной собственностью, изменение существующего законодательства и владения жильем.

Впервые вопрос непосредственно о статусе завоеванных территорий был поставлен в период Тридцатилетней войны в Европе (1618 - 1648), которая рассматривается рядом исследователей как первая война современного типа (сочетание конфликтов низкой интенсивности и обычных битв)⁷, и которая завершилась подписанием Вестфальских мирных договоров⁸. Таким образом, во-первых, Тридцатилетняя война представляла собой серию отдельных, но взаимосвязанных международных и внутренних конфликтов, которые велись регулярными и нерегулярными вооруженными силами, партизанскими группами и частными армиями, что по своей природе мало напоминало средневековое рыцарство или «Кружевные войны» XVIII века, а во-вторых, после ее окончания в практике межгосударственного общения благодаря Вестфальским договоренностям твердо закрепились идея - «управлять государствами самостоятельно, без вмешательства извне»⁹.

Иными словами, концепция суверенитета была связана с государственной территорией, и однозначно говорила о том, что на территории страны есть только одна абсолютная власть - правительство

⁵ Eyal Benvenisti, *The International Law of Occupation: Edition* //, Oxford University Press, 2012, p.52

⁶ Gregory H. Fox, *The Occupation of Iraq* // 36 *GEO.J.INT'LL.*, 2005, 195–297, 199.

⁷ Pascal Daudin, «The Thirty Years War: The first modern war?» // *The Humanitarian Law & Policy blog*, 23 May 2017

⁸ Вестфальский трактат состоит из двух связанных между собой договоров: Оснабрюкского и Мюнстерского. Положения трактатов касались трех основных вопросов: территориальные изменения в Европе, вероисповедные отношения в Священной Римской Империи и политическое устройство. Именно с момента подписания этих договоров в качестве главного субъекта международной системы утверждается национальное государство («государство-нация»), а доминирующими принципами и институтами становятся: принцип политического равновесия и стабильности границ; институт международно-правового признания; институт равноправия государств на внешней арене, независимо от преобладающего в нем вероисповедания.

⁹ Straumann, B. *Peace of Westphalia (1648) as a Secular Constitution*. *Constellations* // *ILJ*, Vol. 15, No. 2, 2007, pp. 1-24.

этого государства, а также заключение Вестфальских соглашений означало признание всех правителей как равных суверенов¹⁰.

Далее следует остановиться на событии и идеях Французской революции, которая повлекла за собой возникновение новой концепции - национального самоопределения, и Наполеоновских войнах, ведение и исход которых также поставили перед государствами ряд вопросов, связанных с осуществлением регулирования в отношении территории в период или в ходе вооруженного конфликта.

Концепция национального самоопределения означала, что территория государства принадлежит его народу, а не правителю (королю). Как провозгласила первая французская конституция 1791 года - «королевство едино и неделимо»¹¹. Также в конституции признавалась «свобода любого человека» и отказ от ведения каких-либо войн для завоевания какого-либо народа¹². Таким образом, можно говорить, что впервые было закреплено принципиальное заявление об отказе от завоевания в качестве средства внешней политики, а также сложилось представление, что захваченные народы имеют право определять свою форму правления¹³. Идея национального самоопределения и запрет одностороннего захвата ещё больше укрепили стабильность территориального устройства, закреплённого на Венском Конгрессе в 1815 году¹⁴.

Отказ от завоевания сыграл определенную роль и в дискредитации абсолютной власти как достаточного права на владение (управление и распоряжение) территорией, что легло в основу представления о завоевании,

¹⁰ Hassan, D. - The Rise of the Territorial State and the Treaty of Westphalia // Yearbook of New Zealand Jurisprudence. Vol. 9, 2006

¹¹ Конституция Франции от 3 сентября, 1791, Раздел 2 (Constitution française du 3 septembre 1791) <http://wp.stu.ca/worldhistory/wp-content/uploads/sites/4/2015/07/French-Constitution-of-1791.pdf>

¹² Там же, Раздел 6

¹³ Jan H. W. Verzijl, International Law in historical perspective / Vol. IX-A 152 (1978)) воспроизводит французский Указ от 15-17 декабря 1792 года, который обещал экспортировать французские идеи свободы, равенства и братства в оккупированные страны, что, в свою очередь, приведет к суверенитету и самоопределению.

¹⁴ См: Заключительный акт Венского конгресса от 29 мая (9 июня) 1815 года, <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/02/e03fc00b1f6d2761686baa701666f85f8be6d227.pdf>

как оправдания во имя освобождения¹⁵. Как сказал один из французских революционеров еще в 1791 году: «война - крестовый поход за свободу всех, а каждый солдат будет говорить таким образом своему врагу: «брат, я не собираюсь убивать Вас, я пришел, чтобы освободить Вас от ярма, под которым Вы стонете»¹⁶. И более того, революционное правительство во Франции предлагало «братство» с народами, которые отвергли династический принцип правления, и, вторгаясь, например, в Италию, в 1792 году, французы были уверены в стремлении местного населения отказаться от верности своим государям¹⁷. Однако, например, Арнольд фон Хеерен писал, что «наши европейские князья являются законными правителями не потому, что они обладают властью, это было бы равно власти узурпатора, а в силу закона, из-за их права наследования»¹⁸.

Как показала практика, а именно - развертывание партизанской войны в Испании против оккупирующей её французской армии в начале XIX века - обилие нерегулярных сил сопротивления на оккупированных территориях (деятельность партизанских отрядов) ставило под угрозу исчезновения любые попытки законно урегулировать ситуацию оккупации. И созванная вскоре после этих событий Брюссельская конференция¹⁹ не помогла достигнуть согласия государств в отношении права граждан применять силу по отношению к оккупанту.

Говоря об истории становления понятия оккупации, следует отметить судебные решения, подкрепившие сложившиеся концепции и практику.

¹⁵ Мартенс Ф.Ф., Современное международное право цивилизованных народов // М. 1996 г. С.103-104

¹⁶ См: John Herz, *Political Realism and Political Idealism*, Chicago // IL: University of Chicago Press, 1951, p. 81.

¹⁷ См: Nehal Bhuta, *The Antinomies of Transformative Occupation* // 16 EJIL 733 (2005)

¹⁸ Arnold Hermann Ludwig von Heeren [1830], *A Manual of the History of the Political System of Europe* // London: Bohn, 1873, p. 477.

¹⁹ Брюссельская конференция 1874 года - международная конференция по кодификации законов и обычаев войны, которая прошла с 15 (27) июня по 15 (27) августа 1874 года. Автором проекта Конвенции выступил немецкий юрист-международник эстонского происхождения Фридрих Фромхольд Мартенс (Федор Федорович Мартенс), тогда ещё мало известный в России, и в мире. В своей работе над проектом Конвенции учёный руководствовался принципами, которые содержались в Петербургской декларации уточнить наименование документа 1868 года, а также многими общепризнанными международными обычаями.

Кассационный суд Франции²⁰ считал, что оккупация территории противника не порождает суверенитет оккупирующего государства и не изменяет статус или законы, регулирующие правоотношения на данной территории. Кассационный суд Франции, исходя из разграничения понятий «оккупации» и «завоевания», установил, что «французские оккупационные власти в папских государствах не должны обеспечивать исполнение законов, изданных королём Неаполя (предыдущего оккупанта той же территории), из-за отсутствия его суверенитета в отношении территории»²¹. Таким образом, суд установил, что признание законов предыдущего оккупанта будет нарушать права суверена, в данном случае - Папы Римского.

Другим примером, подтверждающим сформировавшийся подход, служит решение Кассационного суда Франции от 22 января 1818 года, в котором Суд постановил, что французская оккупация «не передала жителям Каталонии титул француза, а также не предала территории Каталонии - качество французской территории»²². В решении 1837 года было признано, что оккупация Мартиники Великобританией в 1813 году не может служить основанием для какого-либо изменения статуса острова, и что «временное приостановление владения в результате завоевания не прекратило подчинение района французскому законодательству»²³.

Относительно защиты права собственности на оккупированных территориях следует отметить особую сложность. Нахождение армии и администрации одного государства на территории другого государства и, в определенных случаях, имеющаяся реальная возможность установления регулирования на «оккупированных» территориях оккупирующим

²⁰ С франц. - Cour de cassation, был учрежден в 1790 году, назывался «Трибунал кассационной инстанции» (Tribunal de cassation) во время Французской революции, и его первоначальная цель состояла в том, чтобы выступать в качестве суда с ревизионной юрисдикцией в отношении нижестоящих судов. С 1804 года – Кассационный суд, один из судов последней инстанции, Суд рассматривает жалобы на постановления апелляционных судов, которые фактически и по праву пересматривают приговоры и решения, вынесенные судами первой инстанции.

²¹ Paul Challine, *Le droit international public dans la jurisprudence française de 1789 à 1848* // Paris : F. Loviton, 1934, 116

²² Halleck, H. W., *International law* // London, C. K. Paul & co., 1878, p.782

²³ Charles Rousseau, *Le Droit des conflits armés* // Éditions A. Pédone, 1983, 136 (со ссылкой на решение Кассационного Суда Франции от 1 февраля 1837 года)

государством, создало почву для эксплуатации оккупированной территории. В некоторых случаях подобная эксплуатация называлась «коммерческие и добывающие учреждения»²⁴. Такая пагубная практика впоследствии породила еще ряд вопросов относительно допустимости такого поведения.

Таким образом, можно говорить, что европейский опыт поставил следующие вопросы, требующие правовой регламентации: необходимость выделения специального режима, отличающего временное занятие территории от захвата; кто является носителем суверенитета и возможен ли «переход суверенитета» в период оккупации; как регулировать взаимоотношения между населением и оккупационной властью, а также взаимоотношения граждан между собой в период оккупации.

В свою очередь, европейская практика дала следующие ответы. Во-первых, выделение нового режима стало очевидным, когда появилась тенденция к отказу от завоевательных войн, и в связи с возникновением необходимости охарактеризовать и урегулировать военное присутствие одного государства на территории другого. Во-вторых, стало совершенно ясно, что суверенитет в период оккупации сохранится за его первоначальным носителем, наиболее прогрессивным подходом являлось признание народа в качестве единственного обладателя суверенитета, однако многие государства по-прежнему признавали сувереном правителя. В-третьих, была сформирована позиция, что оккупацию следует рассматривать как временный контроль, не порождающий суверенитет. И в-четвертых, государства начали предпринимать попытки урегулирования ситуации, в частности, речь идет о разработке Брюссельской Декларации²⁵ и о возросшем после Венского Конгресса количестве доктринальных попыток охарактеризовать ситуацию оккупации.

²⁴ Michael Rapport, Belgium under French occupation // French History, 16, 2002, pp. 63–7.

²⁵ Project of an International Declaration concerning the Laws and Customs of War. Brussels, 27 August 1874. <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/135?OpenDocument>

Вопрос о статусе территории был поставлен и во время Гражданской войны в Соединенных Штатах Америки между Союзом и Конфедерацией южных штатов (1861 - 1865). Наибольший интерес в рассматриваемый период представляет Инструкции для руководства полевых войск армии США, утвержденные приказом Президента по строевой части № 100, и известные ныне как Кодекс Либера²⁶, который содержал нормативное требование об установлении различия «завоевания» и «военной оккупации», как формы военного управления и временной власти. Но при этом документ содержал термин «военное положение» (Martial law), под которым понимались не менее трех различных правовых ситуаций. Как пояснил Джон Уэстлейк, отношения, которые устанавливаются между оккупантами и оккупированным населением, и которые определяются как «военное положение», следует отличать от, во-первых, военного положения, объявленного правительствами, во-вторых, от чрезвычайных ситуаций или случаев восстания, и, в-третьих, от «законов, изданных правительствами, касающиеся дисциплины и поведения собственных армий»²⁷.

Именно то обстоятельство, что понятие «военное положение» использовалось для регулирования совершенно различных ситуаций и было недостаточным для четкого понимания ситуации оккупации, побудил Главного судью Верховного суда США Чейза (он возглавлял Верховный суд США в период рассмотрения данного дела) выделить в «военном праве», которое в основном было направлено на регулирование дисциплины в армии, две составляющие - «собственно военное право», охватывающее такие случаи, как восстание и чрезвычайное положение, и «военное управление», охватывающее ситуации военной оккупации²⁸.

²⁶ Doris A. Graber, *The Development of the Law of Belligerent Occupation 1863–1914* // New York, NY: AMS Press, 1949.

²⁷ John Westlake, *International Law, Part 2: War* // Cambridge: Cambridge University Press, 1907, p. 88; see W. S. Holdsworth, *Martial law historically considered* // *Law Quarterly Review*, 18 (1902), pp. 117–32.

²⁸ U.S. Supreme Court, *Ex parte Milligan*, US Reports, 71 (1866), pp. 142–3.

Разграничение понятий «военного управления» и «военного положения» имело ряд дополнительных преимуществ, которые позволили избежать толкования «военной оккупации» через призму правил вооруженных сил, осуществляющих оккупацию. Это помогло также противостоять доктрине Карла Шмитта, которая предполагает параллели между ролью командира в военной оккупации и исполнительной властью в чрезвычайных ситуациях²⁹. Хотя оба этих режима предусматривают широкое усмотрение и часто ссылаются на соображения необходимости, оба считаются временным положением, но, тем не менее, слияние этих режимов затушевывает тот факт, что военный командир оккупационной силы представляет собой иностранную власть.

Однако, как продемонстрировал американский опыт, сохранение этого различия не всегда легко было соблюдать на практике. Проблема во время гражданской войны заключалась в том, что Союз считал, что штаты Конфедерации находятся в состоянии мятежа и все же решил рассматривать силы Конфедерации, как если бы они были легитимными воюющими сторонами, признавая при этом легитимность правительств субъектов Конфедерации. Это, в свою очередь, означало необходимость учёта подчинения граждан этих штатов правительствам этих штатов. Решение, к которому пришли суды Соединенных Штатов, заключалось в необходимости рассматривать такое повиновение, как если бы граждане подчинялись фактическим правительствам. Одно из решений гласит: «...поддержание порядка, осуществление полицейских правил, преследование преступлений, защита имущества, исполнение контрактов, празднование браков, урегулирование режима имущества, передача и наследование собственности, были во время войны под контролем местных органов власти, составляющих так называемые Конфедеративные штаты»³⁰.

²⁹ Carl Schmitt, *The Nomos of the Earth* // New York, NY: Telos, 2003, p. 207. See also Nehal Bhuta, *The antinomies of transformative occupation* // *The European Journal of International Law*, 16 (2005), pp. 727–8.

³⁰ *Baldy v. Hunter* US Reports, 171 (1897), p. 389.

Внимания также заслуживают и события американо-мексиканской войны 1846-1848 годов. Главнокомандующим армией США был Уинфрид Скотт, который еще до начала боевых действий изучил работы по истории оккупации Наполеоном Испании, что помогло ему в планировании военной кампании. В частности Скотт хотел избежать французского опыта, связанного с «жестоким поведением французских войск по отношению к испанскому населению и неспособностью суровых французских оккупационных мер прекратить растущее восстание»³¹. Его поразили такие факты как поджоги деревень, массовые расстрелы мирных жителей, уничтожение церквей и даже священников. И более того он хотел избежать действий партизан.

Скотт издал так называемый Общий приказ № 20, обычно известный как «Порядок военного положения»³² (Martial Law Order), который касался необходимости введения наказаний за преступления имущественного и неимущественного характера, а также судебной защиты частной собственности не только для всех солдат армии США, но и для всех мирных жителей Мексики (американцев и мексиканцев). Таким образом «Порядок военного положения» подчинил мексиканских граждан юрисдикции армии США, а все обвиняемые правонарушители должны были предстать перед военными трибуналами.

Созданные Скоттом трибуналы или военные комиссии во многом стали родоначальниками современных военных судов США. Они состояли из одного офицера регулярной армии США, который являлся председателем, и девяти офицеров, обычно из волонтерских полков, составлявших коллегия присяжных. В качестве защитника обвиняемого выступал офицер из подразделения обвиняемого. Также в обязанности данного офицера входила защита гражданских лиц, как американских так и мексиканских граждан.

³¹ Stephen A. Carney, *The Occupation of Mexico - May 1846-July 1848* // Perennial Press, 2016, p.27

³² *Ibid* p.28

Трибуналы имели право назначать наказание, в том числе порку, принудительные работы, тюремное заключение и даже смерть.

Что касается непосредственно защиты права собственности, то в период объявленного «военного положения» на мексиканских территориях, предпринимались следующие меры ее защиты: были организованы централизованное распределение продовольствия населению мексиканских городов, которое понесло серьезные потери во время боевых действий; были выданы заверения торговцам в том, что армия США будет защищать товары, что привело в результате не только к продолжению функционирования, но более эффективной работы местных рынков; улицы городов были очищены от мусора, а принимавшее участие в общественных работах в городах местное население получало высокую зарплату, которая должна была улучшить местную экономику, наполняя ее деньгами.

Подобное регулирование на захваченных территориях получило название «подвижная оккупация» (*rolling occupation*), когда армия США стала фактически администрировать завоеванные территории.

Следующим примером, иллюстрирующим американский подход к ситуации оккупации, является итог испано-американской войны, которая вспыхнула в 1898 году. Куба поставила вопрос относительно судьбы Пуэрто-Рико и Филиппин, поскольку американцы не покинули эти территории после окончания войны. В обоснование позиции США, Чарльз Мангун предложил следующий подход: «...если допустить, что американское правительство является альтернативным, промежуточным, и, кроме того, цели, для которых военные силы США были отправлены на Кубу, являются незавершенными, то военные власти США могут надлежащим образом осуществлять административные функции без учета того факта, что война закончилась»³³.

³³ Charles E. Magoon, Report on the Law of Civil Government in Territory Subject to Military Occupation by the Forces of the United States // Washington, DC: War Department, 1903, p. 33.

Таким образом, можно говорить, что американская практика имела отличия от европейской, обусловленные главным образом гражданской войной, в ходе которой был поставлен вопрос о статусе «повстанческих правительств»; необходимости правового регулирования административных и судебных действий армии США на захваченных территориях; а также о возможности продолжения осуществления властных полномочий военной администрацией после завершения вооруженного конфликта.

Последующая практика США дала следующие ответы на поставленные вопросы: во-первых, если в ходе гражданской войны национальный правопорядок (в данном случае правопорядок Конфедерации) был в состоянии обеспечить эффективность управления и являлся достаточной основой для защиты основных прав граждан (включая право собственности), то было бы излишним изменять его путем введения правовых правил (мер, предписаний) «оккупирующей стороны»; во-вторых, все действия, которые совершаются оккупационными властями, должны быть строго регламентированы нормами национального права «оккупирующей державы», иными словами, не должна сложиться ситуация, при которой поведение «оккупационных властей» (военных и гражданских институтов) могло бы остаться без внимания со стороны национальных органов судебной и административной (военной и гражданской) властей; в-третьих, даже в случае окончания вооруженного конфликта (прекращения боевых действий), но при незавершенности достижения целей конфликта, военное присутствие одного государства на завоеванной территории другого государства следует считать законным.

1.2. Гаагские конвенции и практика Первой и Второй мировых войн.

Гаагские конвенции были приняты на двух международных конференциях, первая из которых состоялась с 18 мая по 29 июля 1899 года³⁴, а вторая проходила с 15 июня по 18 октября 1907 года³⁵. В частности, Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны³⁶ содержит раздел «о военной власти на территории неприятельского государства», в котором довольно подробно раскрываются положения, регулирующие порядок нахождения занявшего территорию неприятеля, а также обозначаются его права и обязанности по отношению к оккупированной территории и лицам, проживающим на ней. При этом отметим, что Конвенция не содержит ни определения, ни понятия оккупации, отсутствуют какие-либо отличительные характеристики рассматриваемого термина.

Основной вопрос, который обсуждался в доктрине международного права в связи с ситуацией оккупации, касался пределов власти «неприятельского государства», реализующего свои полномочия на занятой территории. Так еще до принятия Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны Барон Ламбермонт говорил, что «вся власть исходит от нации», и ставил под вопрос «возможность наличия (осуществления) в

³⁴ в составе Австро-Венгрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Ирана, Испании, Италии, Китая, Люксембурга, Мексики, Нидерландов, единой делегации от Норвегии и Швеции, делегаций от Португалии, России, Румынии, Сербии, Сиам, США, Турции, Франции, Швейцарии, Черногории и Японии.

³⁵ в составе Австро-Венгрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Ирана, Испании, Италии, Китая, Люксембурга, Мексики, Нидерландов, единой делегации от Норвегии и Швеции, делегаций от Португалии, России, Румынии, Сербии, Сиам, США, Турции, Франции, Швейцарии, Черногории и Японии, Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гаити, Гватемалы, Доминиканской Республики, Колумбии, Кубы, Никарагуа, Панамы, Парагвая, Перу, Сальвадора, Уругвая, Чили и Эквадора.

³⁶ По итогам этих двух мирных конференций были приняты Гаагские конвенции. Hague Convention (II) on the Laws and Customs of War on Land, 29.07.1899; Hague Declaration (IV,2) concerning Asphyxiating Gases, 29.07.1899; Hague Declaration (IV,3) concerning Expanding Bullets, 29.07.1899; Hague Convention on Hospital Ships, 21.12.1904; Hague Convention (III) on the Opening of Hostilities, 18.10.1907; Hague Convention (IV) on War on Land and its Annexed Regulations, 18.10.1907; Hague Convention (V) on Neutral Powers in case of War on Land, 18.10.1907; Hague Convention (VI) on Enemy Merchant Ships, 18.10.1907; Hague Convention (VII) on Conversion of Merchant Ships, 18.10.1907; Hague Convention (VIII) on Submarine Mines, 18.10.1907; Hague Convention (IX) on Bombardment by Naval Forces, 18.10.1907; Hague Convention (XI) on Restrictions of the Right of Capture, 18.10.1907; Hague Convention (XIII) on Neutral Powers in Naval War, 18.10.1907; Hague Declaration (XIV) on Explosives from Balloons, 18.10.1907. <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/vwTreatiesByDate.xsp>

стране какой-либо другой власти». Иными словами, он обращал внимание на «суверенитет государства, как на нечто, присущее нации или людям», и таким образом считал, что «само признание положения оккупирующей державы должно казаться парадоксальным»³⁷.

Шарль де Вишер, цитируя решение национального суда Бельгии, утверждал, что «суверенитет Бельгии исходит от нации», и что оккупация не равнозначна аннексии, и таким образом «не может возникать вопроса о том, является ли оккупационное правительство сувереном»³⁸. Вишер делает вывод о невозможности передачи суверенной власти государством, чья территория занята армией другого государства, в юридическом смысле, государству ее занявшему, а есть только фактическая передача власти³⁹.

Схожего мнения придерживался Л. Оппенгейм, который писал - «нет ни одного атома суверенитета у оккупанта», основывая свое заявление на предположении, что суверенитетом обладает только законное правительство, и отступая от идеи того, что суверенитет исходит от нации⁴⁰. При этом Оппенгейм в защиту своей позиции ссылаясь на доминирующую в то время концепцию применения международного права только между государствами и считал, что международное право «никоим образом не является законом между государствами и отдельными лицами»⁴¹.

Гаагское положение о законах и обычаях сухопутной войны содержит следующую формулировку, характеризующую права и обязанности одной стороны, занявшей территорию другой стороны: «с фактическим переходом власти из рук законного Правительства к занявшему территорию неприятелю последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и

³⁷ Correspondence Respecting the Brussels Conference on the Rules of Military Warfare // London: House of Commons, 1875, p. 239

³⁸ Charles de Visscher, 'L'occupation de guerre' // Law Quarterly Review, 34 (1918), p. 72.

³⁹ Ibid, p.74.

⁴⁰ L. Oppenheim, The legal relations between an occupying power and the inhabitants // Law Quarterly Review, 33, 1917, p. 364.

⁴¹ Ibid, p.367

общественную жизнь, уважая существующие в стране законы, буде к тому не встретится неодолимого препятствия»⁴². Таким образом, хотя ст. 43 Конвенции в значительной степени отразила положение Брюссельской декларации⁴³, которое говорило о «власти законного правительства, приостановленной и фактически перешедшей в руки оккупанта»⁴⁴, при этом из положений Гаагской Конвенции слова «были приостановлены» были исключены по предложению Беернаерта⁴⁵.

Ф.Ф. Мартенс писал: «неприятельское занятие или оккупация, очевидно, представляется фактом, в силу которого местная государственная власть уступает свое место другой - неприятельской»⁴⁶. Иными словами, в силу оккупации возникают определенные юридические отношения между неприятельским военным начальством и государством, с одной стороны, и всем, что находится в пределах занятой области, с другой.

К основным обязанностям неприятеля, занявшего территорию другого государства, следует отнести: запрет на принуждение проживающего на занятой территории населения к принесению присяги; обязанность уважать семейные честь и права, жизнь отдельных лиц и частную собственность, включая запрет на конфискацию и грабеж, а также невозможность посягательства на религиозные убеждения и отправление обрядов.

Отдельно в Конвенции оговариваются вопросы, связанные с защитой частной собственности. Помимо того, что речь идет о порядке, занявшей (оккупирующей) территорию государства стороной, взимания налогов,

⁴² «The authority of the legitimate power having in fact passed into the hands of the occupant, the latter shall take all the measures in his power to restore and ensure, as far as possible, public order and civil life, while respecting, unless absolutely prevented, the laws in force in the country». Это перевод, предложенный Эдмундом Швенком (Edmund Schwenk), Legislative power of the military occupant under Article 43, Hague Regulations // Yale Law Journal, 54, 1945, p. 393. Неточность стандартного английского перевода была отмечена ранее Джоном Уэстлейком (John Westlake), International Law, Part 2: War // Cambridge: Cambridge University Press, 1907, p. 84.

⁴³ Brussels Project of an International Declaration Concerning the Laws and Customs of War (Brussels Declaration)

⁴⁴ Doris A. Graber, The Development of the Law of Belligerent Occupation 1863–1914 // New York, NY: AMS Press, 1949, p. 304.

⁴⁵ Ibid. p. 61.

⁴⁶ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов // М. 1996. Т.2. С.308.

пошлин и иных денежных сборов; контрибуций и реквизиций; несения натуральных повинностей; а также обязанности нести расходы по управлению занятой областью, определены права и обязанности непосредственно армии оккупирующего государства в отношении частной собственности - все средства, склады оружия и любого рода боевые припасы, даже если они принадлежат частным лицам, могут быть захвачены неприятельской армией, но подлежат возврату с возмещением убытков после заключения мира. При этом после заключения мира должны быть возвращены и подводные кабели или должно быть возмещены убытки при их утрате.

Подтверждением тому, что государство, занявшее территорию, осуществляет на ней властные полномочия, но не имеет суверенной власти можно найти в положениях ст. 55 и 56 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, которые говорят лишь о праве управления и пользованием по отношению к находящимся на оккупированной территории общественным зданиям, недвижимостям, лесам и сельскохозяйственным угодьям (собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных приравнивается к частной собственности), и об обязанности сохранять основную ценность этих видов собственности, управлять ими согласно правилам пользования и препятствовать истреблению или повреждению подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных.

Анализируя вышесказанное, следует отметить, что в соответствии с новыми конвенционными положениями неприятельская власть не может иметь больше прав, чем имела власть оккупируемого государства, и только военная необходимость в некоторых случаях может объяснять нарушение такого правила; военное занятие не должно влечь за собой существенных изменений в порядке деятельности общественных или правовых институтов;

оккупационные власти могут учреждать свои уголовные и гражданские суды, если местные по какой-либо причине отказываются отправлять правосудие⁴⁷. Таким образом, Гагская конвенция закрепляет принцип уважения собственности частных лиц. Право собственности ограничивается возможностью оккупационных властей требовать реквизиции и контрибуции, при этом положения конвенции призваны оградить частных лиц от злоупотреблений при осуществлении данных действий. Например, реквизиции должны производиться по распоряжению командующего войсками в занятой местности и за вознаграждение, а контрибуция не должна быть взимаема иначе как на основании письменного распоряжения и под ответственностью начальствующего военного лица.

К сожалению, возможность проверить готовность государств к реализации на практике принятых на себя обязательств в рамках Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, а также иных положений, регулирующих поведение сторон в ситуации оккупации, не заставила себя ждать долго. Основными событиями первой половины XX века стали две мировые войны, которые повлекли за собой уничтожение (гибель) не менее 70 миллионов человеческих жизней.

В рамках данной работы мы не имеем возможности рассмотреть все случаи оккупации в период Первой и Второй мировых войн, поэтому мы остановимся на самых серьезных и значительных из них, и примеры которых показали, что военные оккупанты не готовы были в достаточном объеме выполнять требования Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны и неуклонно соблюдать в особенности положения ст. 43 Конвенции.

3 августа 1914 года Германия пересекла государственную границу Королевства Бельгии. И за период с 1914-го по 1918-й годы значительные части бельгийской территории были оккупированы германской армией. Как показала практика, положения ст. 43 стали иметь весьма ограничительное

⁴⁷ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов // М. 1996. Т.2. С.308-310.

толкование. Хотя Бельгия номинально оставалась независимым государством и формально за Бельгией был оставлен контроль над своими портами и инфраструктурой, а также сохранялись все действующие законы для валлонского и фламандского населения⁴⁸, практика военной оккупации была обусловлена в большей или меньшей степени требованиями войны, а не указанными положениями. По словам члена немецких оккупационных властей Людвиг фон Келера, «немцы создали ситуацию, которая была равносильна дестабилизации конституционного порядка», «деятельность всего бельгийского государственного аппарата была не только остановлена, но и сложилась ситуация, при которой аппарат полностью неспособен был к функционированию»⁴⁹. Ситуацию в Бельгии можно охарактеризовать как экономическую блокаду, цель которой была использование немцами ресурсов Бельгии для укрепления своей собственной военной мощи и облегчения трудностей для Германии в экономической сфере⁵⁰. Так в частности, были нарушены права бельгийских рабочих, которые подверглись депортации в Германию, что стало, по словам Дж.В. Гарнера, «беспрецедентной практикой в современных войнах»⁵¹. Более того, на территории Бельгии многие частные владения были разрушены и совершались грабежи, что прямо запрещено Гаагской конвенцией.

С 3 сентября 1914 года по 22 июня 1915 года в ходе Первой мировой войны г. Львов, принадлежавший Австро-Венгрии, был занят русскими войсками. Галиция в начале XX века представляла собой многонациональный край со значительной долей польского, украинского и еврейского населения. В русской армии была проведена разъяснительная работа, которая заключалась в объяснении русским солдатам и офицерам, что Галиция не должна ими восприниматься как вражеская территория, а как

⁴⁸ См: Fritz Fischer, *Germany's Aims in the First World War* // London: Chatto & Windus, 1967.

⁴⁹ Ludwig von Köhler, *The Administration of the Occupied Territories*, vol. 1 Belgium // Washington, DC: Carnegie, 1942, p. 13.

⁵⁰ Feilchenfeld, *The International Economic Law of Belligerent Occupation* // Monograph Series of the Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law, No. 6, 1942, p. 43.

⁵¹ James Wilford Garner, *International Law and the World War*, vol. 2 // London: Longmans, 1920, p. 183.

древняя русская земля, которой предстояло после войны воссоединиться с Россией. Так например, в войсках выпускались листовки и брошюры для ознакомления офицеров с условиями жизненного уклада Галиции, более того офицерам русской армии рекомендовалось: «к крестьянам относиться, пока нет открытых выступлений, приветливо и даже предупредительно, учитывая, что их грубо обманывала их властолюбивая интеллигенция и они не могли сориентироваться в этом, поскольку не знали великорусской и малорусской исторической и бытовой правды; к интеллигенции следовало относиться выжидательно, так как, возможно, что она своим поведением и осознанием реального положения дел, позволит забыть прошлое и представителям русской армии не придется применять суровых законов военного времени»⁵². Однако в действительности поведение оккупирующей армии было совершенно иным. Как отмечает З. Кибиховский, говоря об оккупации Лемберга (Львова) в восточных частях Австро-Венгерской империи - «оккупанты, в данном случае русские, были слишком склонны отказаться от ограничений военной оккупации в пользу старых доктрин завоевания, как только их уверенность в окончательной победе росла»⁵³.

Отметим некоторые действия русских оккупационных властей в отношении местного населения. Уже осенью 1914 года в Галиции и Буковине была введена новая система управления, при которой Львов, Тарнополь и Черновцы были в административном подчинении русских губернаторов, высшие должности в губерниях и округах заняли российские чиновники (например, судьи, прокуроры и железнодорожные служащие), полиция также была сформирована ведомством царской России. Была запрещена деятельность земельных парламентов Галиции и органов самоуправления, городских, муниципальных или имперских советов, а также партий, союзов или фондов. Запрещалось проводить и публичные собрания любого толка.

⁵² Chris Hann, Paul R. Magosci. *Galicja: Multicultural Land* // Toronto: University of Toronto Press. 2005. p. 193.

⁵³ Sigmund Cybichowski, «Die Besetzung Lembergs im Kriege 1914/ 15 // Niemeyers Zeitschrift für Internationales Recht, 26 (1916), p. 429.

Все учебные заведения, включая Лембергский университет и Технический университет, были закрыты. В отношении местного населения имелись случаи грабежа, целенаправленной порчи имущества, принуждения к работам, совершались преступления насильственного характера.

Иная ситуация сложилась в Месопотамии. Османская империя объявила войну Англии - 5 ноября 1914 года, Франции - 6 ноября 1914 года и 12 ноября 1914 года «священную войну» Англии, Франции и России, таким образом вступив в Первую мировую войну. Активные боевые действия в Месопотамии развернулись в ноябре 1915 года и в 1916 году британские войска заняли Эль-Курну. После занятия британскими войсками территории Месопотамии официальные должностные лица Османской империи, в том числе судьи, покинули указанные территории, оставив англичан в ситуации, когда у них не было опыта, чтобы полагаться на толкование турецкого права, которое они не понимали⁵⁴. Такой практики ранее никогда не было, не возможно было себе представить столь резкие столкновения между, например, немецкими и французскими судьями во франко-прусской войне или немецкими и бельгийскими - в Первой мировой. И таким образом, как отметил Главный Судебный Офицер военной оккупации «суды взяли на себя задачи, которые «обычно», то есть во внутренней юрисдикции страны в мирное время, осуществлялись исполнительной ветвью власти»⁵⁵.

Отдельно отметим, что на оккупированных территориях вместо османской создавалась новая администрация: страна была разделена на округа во главе с офицерами, подчинявшимися главнокомандующему британскими войсками в Месопотамии. Османские законы были заменены гражданскими и уголовными кодексами, по английскому образцу. На конференции в Сан-Ремо⁵⁶ 25 апреля 1920 года было принято решение о

⁵⁴ Alwyn V. Freeman, War crimes by enemy nationals administering justice in occupied territory // American Journal of International Law, 41, 1947, p. 594.

⁵⁵ Norman Bentwich, 'The legal administration of Palestine under the British military occupation', British Yearbook of International Law, 1, 1920, p. 147.

⁵⁶ Конференция в Сан-Ремо представляла собой заседание Верховного совета держав Антанты и присоединившихся к ним государств, состоявшееся после Первой мировой войны 19 - 26 апреля 1920 года.

передачи мандатной территории Месопотамии Великобритании, а в 1921 году на указанной территории было создано государство Ирак, ставшее независимым в 1932 году.

Таким образом, необходимо отметить, что со стороны Германии и России в основном имели место нарушения связанные с необходимостью оккупационных властей принимать все зависящие от них меры к тому, чтобы обеспечить общественный порядок, уважая существующие в стране законы. Оккупационные власти в данном случае, скорее склонны были рассматривать занятые территории, как с одной стороны, возможность экономической эксплуатации и распоряжение ресурсами, а с другой способность обеспечить общественный порядок, руководствуясь представлениями о таковом, сформировавшимися в рамках своей собственной системы государственного управления, тем самым разрушая сложившийся порядок организации общественных отношений. Нарушения прав частной собственности в основном были связаны с допущением (не предотвращением) того или иного вида грабежа. В любом случае, право собственности стало одним из самых уязвимых в период рассмотренных примеров оккупации. Что касается Англии, то ее действия, связанные с «насаждением своего правопорядка» и «десантированием судейского корпуса» были вызваны скорее тем, что англичане оккупировали территории с явно более низким уровнем экономического развития и правовой культурой. При этом английская оккупация была способна в большей степени сохранять права частных лиц, включая право собственности.

К особенностям оккупации в период Второй мировой следует отнести следующие: во-первых, данные случаи оккупации отличались высокой

Основными результатами Конференции следует считать следующие: Великобритания получила мандаты на Палестину и Ирак (включая Мосул), Франция - на Сирию и Ливан; утвержденный на конференции проект мирного договора с Турцией был положен в основу Севрского мирного договора 1920; а также Конференция потребовала от Германии выполнения военных и репарационных условий Версальского мирного договора и приняла решение о восстановлении торговых связей с Советской Россией.

степенью вовлеченности, и, во многих случаях, жестокостью, так, говоря о преступлениях, которые были совершены Германией на оккупированных территориях, Х. Лаутерпахт отмечал, что она «стала виновной, особенно в отношении территорий, оккупированных в Восточной Европе, в беспрецедентном нарушении всех законов военной оккупации»⁵⁷; и во-вторых, заинтересованность в соблюдении международно-правовых норм об оккупации была крайне невелика со стороны властей оккупируемых территорий, как отмечает Ф. Моргенштейн «из-за страха возникновения доверия к власти оккупанта»⁵⁸, и соответственно акцент законных властей был сделан на «незаконность агрессивной войны» и на «необходимость борьбы с агрессором».

Управление на оккупированных Германией территориях осуществлялось рейхскоммисариатом по делам оккупированных норвежских территорий⁵⁹, Нидерландским рейхскоммисариатом⁶⁰, а также рейхскоммисариатом Остланд (с центром в Риге для территорий Прибалтики Белоруссии)⁶¹, и Украины (с центром в Ровно)⁶².

Говоря о регламентации гражданских прав и интересов, включая право собственности, следует отметить общие черты поведения оккупационных

⁵⁷ L. Oppenheim, *International Law*, 7th edn, vol. 2, ed. H. Lauterpacht // London: Longmans, 1952, pp. 448–9.

⁵⁸ Felice Morgenstein, *Validity of the acts of the belligerent occupant* // *British Yearbook of International Law*, 28 (1951), p. 321.

⁵⁹ Reichskommissariat für die besetzten norwegischen Gebiete) - гражданский оккупационный режим, созданный Германией в оккупированной немцами Норвегии во время Второй мировой войны.

⁶⁰ Reichskommissariat Niederlande - административно-территориальная единица Германии существовавшая с 1940 по 1945 годы на территории оккупированных немецкими войсками Нидерландов. Состав: Генеральный комиссар по вопросам управления и юстиции; Генеральный комиссар по вопросам финансов и экономики; Генеральный комиссар по вопросам безопасности; Генеральный комиссар для особых поручений; Представитель Имперского министерства иностранных дел.

⁶¹ Reichskommissariat Ostland - территориальное образование Германии в Восточной Европе. Состав: Генеральный округ Эстония, Генеральный округ Латвия, Генеральный округ Литва, Генеральный округ Белоруссия.

⁶² Reichskommissariat Ukraine - Рейхскоммисариат включал в себя оккупированную территорию тогдашней Украинской ССР и части Белорусской ССР за исключением Галиции и Транснистрии, а также нескольких сот километров прифронтовой зоны, находившейся в ведении военной администрации соответствующих групп армий.

См: Franz Neumann, *Behemoth* // London: Gollancz, 1942, pp. 145–8; Czeslaw Madajczyk, *Die Besatzungssysteme der Achsenmächte* // *Studia Historicae Oeconomicae*, 14, 1980, pp. 105–22.

властей⁶³. В зоне военного управления исполнительная власть находилась в руках военного командования (комендатур). Кроме немецкой администрации, в пределах административного раздела, создавались органы местного управления в районах городов и селах из числа местного населения, лояльного к оккупационному режиму. Органы местного управления действовали в условиях полной подконтрольности и зависимости от немецкой оккупационной администрации. Главными целями экономического управления было обеспечение потребностей войск и максимальное изъятие продовольствия и сырья для нужд военной экономики Германии, а значит экономики страны в целом. Экономическая эксплуатация оккупированных областей происходила в тесном взаимодействии государственных и частно-хозяйственных интересов. Например, руководство отдельных предприятий осуществлялось немецкими фирмами или консорциумами под государственным надзором. Так, в восточных областях оккупации речь шла в основном не о приведении в порядок материально-хозяйственной базы и не о восполнении отсутствия соответствующих специалистов, а о таких направлениях деятельности как сбор зерна, обработка масличных культур, добыча нефти и выплавка легких металлов.

Если говорить отдельно об оккупации на территории Советского Союза, то в сфере частного права временно продолжали действовать отдельные нормы советского законодательства, которые постепенно заменялись соответствующими актами оккупационных властей. Значительная часть приговоров и решений выносилась административными и военными органами во внесудебном порядке, а также в части районов

⁶³См: The selection of documents of the everyday life during the repression times, Historical background and formal characteristics, Based on the holdings of the Foundation for „Polish-German Reconciliation” Archive, Warsaw 2009

http://www.fpnpl.pl/edukacja/dokumenty_eng.pdf

действовали органы правосудия, которые при принятии решений опирались на немецкое законодательство и нормативные акты оккупационной власти⁶⁴.

К основным нарушениями международно-правового регулирования ситуации оккупации в свете защиты прав частной собственности следует отнести: насильственные действия в отношении изъятия имущества у местного населения или осуществление грабежа; введение принудительных работ - таких как депортация населения на работы в Германию и насильственное привлечение к работам непосредственно в оккупированных зонах в форме трудовой повинности; а земля, ее недра, промышленность и сельское хозяйство, культурные и научные ценности провозглашались собственностью «великогерманского рейха»⁶⁵.

Одним из самых показательных примеров оккупации в период Второй Мировой войны стала японская оккупация территории Малайзии. Особенностью японской оккупации следует считать то, что Япония считала, что Малайзия должна оставаться «постоянным владением Японии» и поэтому оккупационные власти создали систему администрирования, аналогичную «порядку управления в японских провинциях»⁶⁶. Во главе каждой провинции стоял японский офицер или генерал со штатом военных. Однако на практике промышленное оборудование было вывезено в Японию, безработица поразила промышленные районы и каучуковые плантации, а в результате прекращения ввоза продовольствия разразился голод. Все вышеуказанные действия японских оккупационных сил повлекли за собой эксплуатацию ресурсов для целей японской военной экономики⁶⁷.

⁶⁴ Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1945 гг.). М.,1968. С.20.

⁶⁵ Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы // М.,1967. С.528. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1945 гг.) // М.,1968. С.25.

⁶⁶ Yoji Akashi, 'Japanese military administration in Malaya' // Asian Studies, 7 (1969), p. 85.

⁶⁷ Nicolas Tarling, A Sudden Rampage // London: Hurst, 2001.

Таким образом можно говорить, что и в период Второй мировой войны оккупационные власти не следовали духу Гаагской конвенции, настоятельно призывавшей к уважению и защите права собственности, а также не ограничивались такими ориентирами как «нужды армии», владение «собственностью, могущей служить для военных действий» и недопустимости грабежа.

С момента подписания Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил 8 мая 1945 года⁶⁸ и до осени 1949 года на территории Германии вся полнота власти была в руках военных администраций США, Великобритании, Франции и СССР. 5 июня 1945 года в Берлине было созвано первое заседание Контрольного совета по Германии⁶⁹ («Союзный Контрольный совет» или СКС) в составе четырех главнокомандующих оккупационными войсками. Главнокомандующие, из которых состоял СКС, подчинялись своим правительствам и руководствовались их указаниями. С течением времени сфера разногласий в рамках СКС постепенно увеличивалась, потому что военные губернаторы в западных зонах и советский главнокомандующий действовали исходя из собственных представлений о демократии, демонтаже общественных институтов, наказании нацистских преступников и т.д. Более того по мере нарастания «холодной войны» расхождения в СКС становились все более значительными, а реальная власть все более сосредоточивалась в руках зональных военных администраций. И 20 марта 1948 года состоялось последнее заседание СКС⁷⁰.

⁶⁸ Акт о военной капитуляции Германских Вооруженных Сил, Берлин, 8 мая 1945, URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15129> ;

⁶⁹ Allierter Kontrollrat - орган верховной власти в оккупированной Германии, образованный после Второй мировой войны державами победительницами. В подчинении Контрольного совета находилась Межсоюзническая комендатура, осуществлявшая властные полномочия в разделенном на оккупационные зоны Берлине.

⁷⁰ Во главе американской администрации в 1945 г. стоял генерал армии (впоследствии президент США) Дуайт Эйзенхауэр. После него наиболее яркой личностью на этом посту с марта 1947 г. был генерал Люциус Д. Клей (1897-1978). В британской администрации такими яркими фигурами были до апреля 1946 г. фельдмаршал Бернард Л. Монтгомери (1887-1976) и в 1947-1949 гг. генерал Брайан Робертсон (1896-1974). Во главе оккупационных войск и зональной администрации французской зоны был генерал Пьер Кёниг (1898-1970). Первым главноначальствующим СВАГ был назначен маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

В 17 часов 5 июня 1945 года правительства Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Временного правительства французской республики подписали «Декларацию о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии»⁷¹. В соответствии с данным документом было признано, что «в Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка», и таким образом управление страной и выполнение требований данной Декларации ложилось на державы-победительницы. Также Декларация установила, что необходимо без ущерба для Германии сохранить порядок и управление страной (Преамбула) посредством размещения представителей союзников (вооруженных сил и гражданских органов) в любой или во всех частях Германии по своему усмотрению (ст.12) и принимать такие меры, какие они сочтут необходимыми для будущего мира и безопасности (ст.13).

Также было достигнуто Соглашение о политических и экономических принципах координирования политики союзников в отношении побежденной Германии в период Союзного контроля⁷². Основными положениями Соглашения были обязанность оккупационных властей рассматривать Германию как «единое экономическое целое» и установление общей политики относительно производства и распределения продукции горной и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, программы импорта и экспорта для Германии в целом, денежной и банковской системы, транспорта и коммуникаций, при этом при реализации экономической политики должны приниматься во внимание местные условия. Иными словами, экономической целью оккупации должно была стать - создание сбалансированной экономики всей Германии.

Его сменил в марте 1946 г. маршал Василий Данилович Соколовский (1897-1968). В апреле 1948 г. на этот пост был назначен генерал армии В. И. Чуйков.

⁷¹ Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии Правительствами СССР, Соединенного Королевства и США и Временным Правительством Французской Республики, URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15130> ;

⁷² Potsdam Agreement, Protocol of the Proceedings, August 1, 1945
https://www.nato.int/ebookshop/video/declassified/doc_files/Potsdam%20Agreement.pdf

Однако на практике ситуация начала складываться совершенно иным образом. В западной зоне оккупации экономика строилась на рыночных принципах: уважения и защиты права собственности, обеспечения свободы деятельности хозяйствующих субъектов, стимулирования конкуренции в торгово-промышленной сфере, а также единства финансовой и денежной политики. Так, уже начиная с 1945 года, в западной зоне была проведена аграрная реформа, основной целью которой было формирование фермерских хозяйств, служивших опорой демократического строя в деревне, без изменения структуры собственности на землю. Была также осуществлена приватизация крупной промышленной собственности и предприняты усилия (нормативное регулирование) для стимулирования притока иностранных инвестиций и создания конкурентной среды. Для восстановления финансовой системы ФРГ получила от США в общей сложности 2100 млрд. долларов, которые были предоставлены в рамках «Программы помощи оккупированным территориям»⁷³. В 1948 году был учрежден Эмиссионный банк немецких земель и немецкая марка, введенная в обращение в результате реформы, стала единственным платежным средством. Как отмечал Людвиг Эрхард⁷⁴: «рыночная экономика могла успешно функционировать только в условиях пяти свобод: свободы потребления, свободы труда, свободы предпринимательства, свободы распоряжения частной собственностью и свободы заключения договоров. Государство должно выполнять исключительно защитные функции: устанавливать низкие налоги, предоставлять льготы для частных инвестиций, ограничивать монополии и защищать внутренний рынок от иностранной конкуренции»⁷⁵.

В конце 1946 путем референдума были приняты конституции таких земель как Бавария, Гессен, Баден-Вюртемберг. Параллельно

⁷³ Nina Serafino, Curt Tarnoff, and Dick K. Nanto, U.S. Occupation Assistance: Iraq, Germany and Japan Compared // CRS Report for Congress, March 23, 2006 <https://fas.org/sgp/crs/natsec/RL33331.pdf>

⁷⁴ В сентябре 1945 года - государственный министр экономики Баварии, затем начальник особого отдела по вопросам денег и кредита при Экономическом совете Бизонии (часть Германии после Второй мировой войны оккупированная войсками США и Великобритании) а в марте 1948 года- директор Экономического управления Бизонии. 1963-1966 года - Федеральный канцлер ФРГ.

⁷⁵ Уилер Д.С. Американская политика в Германии (1945-1950) // М., 1960. С. 58.

Великобритания и США договорились об объединении своих оккупационных зон (Бизония). В Бизонии был сосредоточен основной промышленный потенциал Германии (62 % индустриального производства, 82 % добычи угля, 90 % выплавки стали).

Проект конституции Федеративной Республики Германия (ФРГ) был разработан и одобрен в Бонне (1 сентября 1948 года собрался Парламентский совет в составе 65-ти представителей ландтагов, входивших в объединение американской, британской и французской оккупационных зон). И уже 20 сентября было сформировано первое союзное правительство во главе с Конрадом Аденауэром. 8 мая 1949 года Парламентский совет утвердил «Основной закон Федеративной Республики Германия», 12 мая 1949 года оккупационные власти выразили свое согласие с его текстом, а 23 мая 1949 года Основной закон был окончательно принят. Но еще шесть лет три западные державы сохраняли контроль над ФРГ на основании Оккупационного статута⁷⁶. 26 мая 1952 года США, Великобритания, Франция и ФРГ, подписали Боннское «Соглашение об урегулировании вопросов, возникающих во время войны и во время оккупации»⁷⁷, которое впоследствии, 23 октября 1954 года, было изменено путем принятия поправок на Парижской конференции министров, а также подписали «Протокол о завершении оккупационного режима» от 23 октября 1954 года⁷⁸, называемые вместе Переходное соглашение. В 1955 году в связи с присоединением ФРГ к Североатлантическому альянсу так называемый «оккупационный статут» прекратил свое юридическое действие, и ФРГ получила все права суверенного государства (в частности, в Основной закон Германии были внесены поправки, предусматривающие создание армии и федерального Министерства обороны).

⁷⁶ Occupation Statute of Germany (Bonn, 12 May 1949),

https://www.cvce.eu/content/publication/2003/10/21/6750efd3-4b34-4fec-9a4a-df0ff125d302/publishable_en.pdf

⁷⁷ Convention on relations between the three Western Powers and the Federal Republic of Germany: signed by the USA, the UK and France with the FRG on May 25th 1952, amended on 23rd October 1954.

⁷⁸ Protocol on the termination of the occupation regime in the Federal republic: signed by the USA, the UK and France with the FRG on 23th October 1954.

Совершенно иная ситуация сложилась в оккупационной зоне Советского Союза. Как отмечает Г. Гинзбург: «в советском секторе власти действовали так, как если бы применялись более старые доктрины завоевания, за исключением того, что СССР также придерживался соглашения не аннексировать Германию»⁷⁹. По словам Милована Джиласа - в Германии, как и в других частях Европы, оккупированных советскими войсками, за исключением Австрии, стратегия в сфере управления экономикой в конечном счете руководствовалась взглядом Сталина на то, что «эта война не такая, как в прошлом, тот, кто занимает территорию, также налагает на нее свою социальную систему»⁸⁰.

Таким образом можно говорить, что, во-первых, после окончания Второй мировой войны сложился иной тип оккупации, не предусмотренный ранее Гаагскими конвенциями, а именно - послевоенная оккупация, режим которой определялся специальными международными соглашениями; и во-вторых, с момента окончания Второй мировой войны Германия оказалась разделенной на части, контролируемые двумя принципиально различными политэкономическими системами. Что не могло не повлечь за собой в последствии как особенностей защиты права собственности в различных оккупационных зонах, так и, соответственно, создания Федеративной Республики Германия (ФРГ) и Германской Демократической Республики (ГДР) - принципиально отличных друг от друга с точки зрения построения (формирования) типа экономики государств.

Здесь отдельно следует отметить, что практика преобразования режима не была санкционирована и четвертой Женевской конвенцией 1949 года⁸¹, которая в ответ на действия Держав Оси сосредоточилась на стремлении

⁷⁹ George Ginsburgs, A case study in the Soviet use of international force: Eastern Poland in 1939 // American Journal of International Law, 52, 1958, pp. 69–84.

⁸⁰ Milovan Djilas, Conversations with Stalin, New York, NY: Harcourt, 1962, p. 114.

⁸¹ Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. Geneva, 12 August 1949. <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=AE2D398352C5B028C12563CD002D6B5C&action=openDocument>

укрепить права отдельных лиц в период вооруженного конфликта и ситуации оккупации. Действительно, в комментарии Жана Пикте к Конвенции отмечается, что такие преобразования запрещены. Однако неоднозначность ситуации указывала на нерешенную проблему, поскольку Пикте добавил, что Конвенция «прямо не запрещает оккупирующей державе изменять институты или правительство оккупированной территории. Возможно, некоторые изменения потребуют и даже улучшения»⁸².

Несколько иная ситуация сложилась с защитой права собственности в период пребывания советских оккупационных властей в Австрии⁸³. Советская военная администрация предоставила в вопросе назначения должностных лиц на главные или низовые посты широкую автономию австрийским политическим силам и населению. Назначения в местные гражданские органы управления в большинстве случаев производились по представлению самих австрийских общин и лишь утверждались советскими комендантами. После окончания войны Австрия встала на путь формирования демократического правового государства, парламентской республики и создания предпосылок для последующего перехода к рыночной экономике. Путь развития происходил по двум направлениям: во-первых, восстановление австрийской правовой и судебной системы, существовавшей до 1938 года, как части общей задачи восстановления самостоятельной австрийской государственности, и во-вторых, во внутренней политике было начато воссоздание партийно-политической и административной системы, существовавшей в стране до аншлюса⁸⁴. И более того, население Австрии было более свободно в выражении своей гражданской позиции, нежели население Германии.

⁸² Jean S. Pictet, Commentary: Fourth Geneva Convention // Geneva: ICRC, 1958, p. 274.

⁸³ Горлова О.С. Денацификация Австрии после Второй мировой войны: По материалам советской оккупационной зоны. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н.// Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/denatsifikatsiya-avstrii-posle-vtoroi-mirovoi-voiny-po-materialam-sovetskoi-okkupatsionnoi-zhixzz5BjtC4OFU>

⁸⁴ Anschluss - включение Австрии в состав Германии, которое состоялось 12-13 марта 1938 года. По некоторым данным в Германии за аншлюс проголосовало 99,08 % жителей, в Австрии - 99,75 %.

Такая ситуация стала возможна в связи с несколько иным подходом государств-победительниц к оккупационному режиму в Австрии. Оккупационные зоны и совместное управление городом Веной были зафиксированы «Соглашением о системе контроля над Австрией» от 4 июля 1945⁸⁵ года и «Соглашением союзников об оккупационных зонах» от 9 июля 1945 года⁸⁶. 11 сентября 1945 года был учреждён Союзнический совет из четырёх главнокомандующих, позднее переименованных в верховных комиссаров. Союзнический совет давал свое разрешение на все принятые парламентом Австрии законы (Австрия уже с ноября 1945 года имела Временное правительство, а с декабря - легитимное федеральное правительство), в отсутствие которого закон не мог вступить в силу. С самого начала деятельности Союзнического совета каждая из оккупационных держав могла наложить вето на, считаемый ими, «неудобный закон». Позднее было принято решение, что вето на принимаемый закон налагается только всеми четырьмя сторонами совместно.

Полную независимость Австрия приобрела только в мае 1955 года. Столь долгое решение так называемого «австрийского вопроса» было связано с довольно большим количеством проблем, в частности речь шла о пограничных вопросах и территориальных требованиях, в также вопросе о немецкой собственности в Австрии, который в крайней степени обострил противоположные экономические интересы между оккупационными властями. США были ведущим государством, которое было в состоянии оказывать широкомасштабную экономическую помощь. Однако, в первый оккупационный период в экономической политике США проявляли некую сдержанность по оказанию помощи, так как не хотели допустить раскола Австрии и не желали появления еще одного очага напряженности в Европе. Но уже начиная с начала 50-х годов XX века США наладили австро-

⁸⁵ Records of the Property Control Branch of the U.S. Allied Commission for Austria (USACA) section 1945–1950, National Archives and Records Administration, Washington DC, 2010, p.1
<https://www.archives.gov/files/research/microfilm/dn1929.pdf>

⁸⁶ Agreement on the occupation zones in Austria and the administration of the City of Vienna (9 July 1945)
https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/8f66e4ad-f336-499b-9cec-9cd99eb3af1f/publishable_en.pdf

американские экономические отношения и перешли на двусторонние программы помощи⁸⁷. В западных зонах оккупации была оказана помощь на более чем 1 миллиарда американских долларов, осуществлена приватизация крупнейших австрийских банков и промышленных концернов, что дало значительные экономические преимущества для Австрии. Иными словами, укрепление элементов частной собственности и денежная реформа стабилизировали и ускорили восстановление экономики.

15 мая 1955 года в Вене был подписан Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии (Staatsvertrag betreffend die Wiederherstellung eines unabhängigen und demokratischen Österreich)⁸⁸, 27 июля Договор был ратифицирован всеми пятью государствами и тем самым вступил в силу⁸⁹.

Отдельно нужно привести мнение Э. Давида относительно применения Гаагской конвенции к ситуации оккупации после окончания войны или вооруженного конфликта. В частности Э. Давид пишет, что «если оккупация территории страны следует за безоговорочной капитуляцией, как в ситуации с нацистской Германией 8 мая 1945 года, тогда полное подчинение территории, прекращение существования армии и правительства, а также прекращение любых форм борьбы изменяют режим оккупации и практика показывает, что право оккупации более не применяется»⁹⁰. Однако, Э. Давид считает, что такая практика применима (не противоречит нормам международного права), в случае соответствия завоевания международному праву (например завоевание, ставшее результатом борьбы с государством-агрессором) и в случае оборонительной войны, когда агрессор поражен.

⁸⁷ Einwitschläger A. Amerikanische Wirtschaftspolitik in Österreich 1945–1949 // Wien. 1986. S. 43.

⁸⁸ State Treaty for the Re-establishment of an Independent and Democratic Austria (Vienna, 15 May 1955), https://www.cvce.eu/content/publication/1999/3/2/5c586461-7528-4a74-92c3-d3eba73c2d7d/publishable_en.pdf

⁸⁹ Согласно Договору для вывода оккупационных войск устанавливался девятистодневный срок. 19 октября 1955 года территорию суверенной Австрии покинул последний советский военнослужащий, а 25 октября, в последний день этого срока - последний британский солдат оккупационных войск.

⁹⁰ Эрик Давид, Принципы права вооруженных конфликтов // МККК, Москва, 2011, стр. 558; См также: Ando, N., Surrender, Occupation, and Private Property in International Law // Oxford Monographs in International Law, 1991, pp 79-80

Таким образом можно говорить, что события, последовавшие после Второй мировой войны, и заключенные межгосударственные соглашения установили новый оккупационный режим и сформировали правовое поле послевоенной оккупации непосредственно для конкретных государств или территорий. В отношении права собственности следует отметить, что в случае постконфликтной оккупации, вопросы ее защиты в основном регулировались принятыми на себя государствами-оккупантами международными обязательствами и исходя из собственных представлений об экономически значимых результатах. Однако если считать правильным, что любая оккупация носит временный характер, направлена на восстановление нарушенного мирового порядка и экономики, а оккупирующая держава осуществляет управленческую, а не распорядительную функцию, то было бы неверным допущение о возможности кардинальной смены экономического режима на оккупируемой территории.

1.3. Анализ положений Женевских конвенций, направленных на защиту права собственности, и основные характеристики ситуации оккупации.

Новый этап в развитии права вооруженных конфликтов, в основу которого были положены принципы и нормы человеческого измерения, наступил после принятия Устава Организации Объединенных Наций⁹¹, который признал агрессивную войну не соответствующей нормам международного права. На послевоенный период приходится интенсивное развитие «права Женевы», рождение нормативной базы которого обычно связывают с Женевской конвенцией от 22 августа 1864 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях во время сухопутной войны и, которое в современном виде состоит из четырех Женевских конвенций 1949 года и двух Дополнительных протоколов к ним 1977 года⁹². В целом оно представляет собой систему принципов и норм, прямо направленных на защиту индивида в условиях вооруженных конфликтов (международного и немеждународного характера), а также положения Женевских конвенций распространяются на население оккупированных территорий.

Прежде чем говорить о Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны (Женевская конвенция IV)⁹³ следует отметить, что в отличие от Гаагской конвенции, которая регулирует отношения на оккупированной территории «действительно находящейся под

⁹¹ Устав Организации Объединенных Наций был подписан 26 июня 1945 года в Сан-Франциско по завершении Конференции Организации Объединенных Наций по международной организации, и вступил в силу 24 октября 1945 года. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ ;

⁹² Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (первая Женевская конвенция); Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (вторая Женевская конвенция); Женевская конвенция об обращении с военнопленными (третья Женевская конвенция); Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (четвертая Женевская конвенция); Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол II); Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/ ;

⁹³ Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. Geneva, 12 August 1949. <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=AE2D398352C5B028C12563CD002D6B5C&action=openDocument> ;

властью неприятельской армии», а режим оккупации распространяет лишь на те территории «где власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность», она имеет более широкую сферу применения и охватывает не только ситуации, предусмотренные ее положениями, но и те, на регулирование которых она напрямую не направлена. Так, речь идет о невозможности каким-либо образом лишить преимуществ Конвенции лиц «ни в силу какого-либо изменения, происшедшего в установлениях, действующих на данной территории, или в управлении этой территорией вследствие ее оккупации, ни в силу соглашения, заключенного между властями оккупированной территории и оккупирующей державы, ни в силу аннексии оккупирующей державой всей или части оккупированной территории» (ст. 47).

К положениям IV Женевской конвенции, которые направлены непосредственно на защиту права собственности, следует отнести следующие: во-первых, оккупирующая держава может направить на принудительную работу покровительствуемых лиц, которым больше 18 лет, и только на работу, которая должна быть либо необходима для нужд оккупационной армии, либо связана с коммунальными предприятиями, питанием, жилищем, одеждой, транспортом и здоровьем населения занятой местности, при этом работа будет справедливым образом оплачена (ст.51) и никакие контракты, соглашения или положения не могут ограничивать права как добровольно, так и недобровольно работающего (ст.52); во-вторых, любое уничтожение оккупирующей державой движимого или недвижимого имущества, являющегося как индивидуальной так и коллективной собственностью частных лиц, которое не является абсолютно необходимым для военных операций, воспрещается (ст.53); в-третьих, даже при возможности реквизировать съестные припасы или другие предметы, находящиеся на оккупированной территории, как для оккупационных войск так и для администрации, с учетом нужд гражданского населения, такая реквизиция должна быть справедливо возмещена (ст. 55), при этом

оккупирующая держава может реквизировать гражданские больницы, однако лишь временно и только в случае крайней необходимости, а также при условии невозможности реквизиции имущества и складов гражданских больниц до тех пор, пока они необходимы для нужд гражданского населения (ст. 57); в-пятых, покровительствуемые лица, находящиеся на оккупированной территории, в том случае, если это не противоречит настоящим интересам безопасности, могут получать посылки, персонально адресованные им (ст.62); в-шестых, компетентные судебные органы оккупирующей державы не могут выносить ни одного приговора без рассмотрения дела в установленном процессуальном порядке (ст.71-72).

Как отмечает Э. Давид «обязанность оккупирующего государства уважать имущество касается как физической целостности этого имущества так и собственности на него (оккупант пользуется лишь ограниченным правом его присвоения или реквизиции)»⁹⁴. Относительно уничтожения имущества необходимо отметить следующее: если Гагская конвенция содержит только косвенный запрет на подобного рода действия, что вытекает из ограничения права присваивать имущество неприятеля (ст. 46, 47, 53), то ст. 53 Женевской конвенции IV уже содержит прямой запрет на уничтожение имущества, однако с некоторыми ограничениями - «если это уничтожение не является абсолютно необходимым для военных операций». Ограниченное право присвоения следует рассматривать в свете запрета на разграбление государственного и частного имущества (ст. 47 Гагской конвенции и ст. 33 Женевской конвенции). Однако это не означает, что данное имущество в правовом плане защищено от любых посягательств на него со стороны оккупирующей державы, в свете чего следует проводить различие между государственным и частным имуществом.

По мнению автора, современные виды оккупации требуют к себе большего внимания со стороны регулятора в свете вопросов конфискации

⁹⁴ Эрик Давид, Принципы права вооруженных конфликтов // МККК, Москва, 2011, стр. 583

частной собственности и её незаконного изъятия у надлежащего собственника. При этом как конфискация, так и изъятие, как в ситуации оккупации в период вооруженного конфликта, так и в постконфликтное время, запрещена нормами международного права, за исключением четко оговоренных случаев.

Оккупирующая держава, например, не имеет права конфисковывать имущество, принадлежащее частным лицам (ст. 46 Гаагской конвенции), что означает, в частности, запрет на конфискацию имущества в качестве военного трофея. Приведем мнение Э. Давида, который отмечает, что «вынужденная уступка имущества под давлением оккупанта, в результате запугивания или угроз является формой грабежа или хищения»⁹⁵. При этом в данной связи следует обратить внимание на положения Резолюций Совета Безопасности ООН № 686 и 687 относительно конфликта в Кувейте, где СБ ООН отметил, что Ирак должен вернуть «всю захваченную собственность Кувейта»⁹⁶, не проводя при этом различия между государственной и частной собственностью.

Отдельно отметим, что Ж-М Хенкертс и Л.Досвальд-Бек также пишут, что «на оккупированной территории частная собственность должна пользоваться уважением и не может быть конфискована, за исключением тех случаев, когда захвата такой собственности требует настоятельная военная необходимость»⁹⁷. Эта норма является обычной нормой международного права, и, как доказывают авторы, закреплена во многих положениях национального права, включая военные уставы, и международно-правовых документах. В отношении недвижимого имущества можно говорить, что установилось обычно-правовое регулирование, которое предполагает управление имуществом в соответствии с нормами узуфрукта - вещное право пользования чужим имуществом с правом присвоения доходов от него, но с

⁹⁵ Эрик Давид, Принципы права вооруженных конфликтов // МККК, Москва, 2011, стр. 592

⁹⁶ Рез. СБ ООН S/Rés. 686, 2 марта 1991 г., п. 2d; 687, 3 апреля 1991 г., п. 15

⁹⁷ Хенкертс Ж.М., Досвальд-Бек Л., при участии Алверман К., Дёрмана К. и Ролла Б. Обычное международное гуманитарное право, том 1, Нормы // МККК 2006. С.229.

условием сохранения его целостности, ценности и хозяйственного назначения.

Довольно часто на практике становится сложно дать квалификацию сложившейся ситуации. Однако, именно от правовой характеристики той или иной ситуации зависит применимость тех или иных правовых норм. Сложность ситуации оккупации связана еще и с тем, что отсутствует конвенционное определение оккупации, дополнительные международные соглашения также его не дают требуемого определения, а доктринальные определения разнятся между собой. Но при всех сложностях, под оккупацией следует понимать ситуацию занятия одним государством территории другого государства, либо в случае применения силы, либо на основании постконфликтных межгосударственных договорённостей, не сопровождающуюся обретением суверенитета над данной территорией и осуществляющуюся в отсутствие на то воли государства, обладающего суверенитетом. Основными характеристиками оккупации следует считать: ограниченность применимости данного режима по времени; наличие государства, в отношении территории которого устанавливается оккупационный режим; принятие на себя оккупирующим государством обязательств по управлению данной территорией. И, разумеется, данный перечень характеристик никак нельзя признать исчерпывающим.

Так, по мнению Дерека Крокстона⁹⁸ оккупацию следует рассматривать как временный режим, который не наделяется суверенной властью. При этом в настоящее время различие между оккупацией территории и реальным приобретением территории становилось все более очевидным. Однако, следует отметить, что в некоторых случаях ситуацию оккупации довольно сложно отделить от иных ситуаций, например, эффективного контроля или аннексии.

⁹⁸ Derek Croxton, The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // 21 International History Review 569, 1999

Впервые формулировка «эффективный контроль» прозвучала в решении по Делу о военных и полувоенных действиях на территории Никарагуа и против государства (Никарагуа против США 1986 г.), рассмотренного Международным Судом ООН (МС ООН). Обстоятельства дела относятся к событиям, произошедшим в Никарагуа после падения правительства А. Самосы в июле 1979 года и действий США в Никарагуа. В начале 1984 года США прибегли к минированию портов Никарагуа и массовым нарушениям воздушного пространства Никарагуа американскими Военно-воздушными силами. Также США предоставляли финансовую и военную помощь иррегулярным антиправительственным группировкам «контрас».

9 апреля 1984 года Никарагуа подала иск в МС ООН, указывая, что своими действиями США, кроме прочего, нарушали свои обязательства в области международного права воздерживаться от применения силы и угрозы силой. Суд вынес решение, где указал, что США нарушили свои обязательства в части прямого участия в минировании портов Никарагуа, однако США не могут нести ответственность за деятельность «контрас», так как не осуществляли эффективный контроль над их деятельностью. Суд постановил, что Соединенные Штаты, поддерживали «контрас», ставили мины около портов Никарагуа, нарушили международно-правовые обязательства не вмешиваться в дела другого государства, не применять силу в отношении другого государства и не посягать на суверенитет другого государства⁹⁹.

Однако, никакой конкретизации понятия «эффективного контроля» в деле Никарагуа дано не было. Внимания по этому вопросу заслуживает также решение Апелляционной камеры Международного трибунала по

⁹⁹ С материалами дела можно ознакомиться по ссылке: http://legal.un.org/ICJsummaries/documents/russian/ST-LEG-SER-F-1_R.pdf.

бывшей Югославии (МУТЮ)¹⁰⁰, которая своим решением по «делу Тадича»¹⁰¹ отметила, что в случае если речь идет об ответственности за военную организацию и если общий контроль над этой организацией осуществляется иностранным государством, то этого достаточно для того, чтобы иностранное государство несло ответственность за все действия данной организации и чтобы применялось международное гуманитарное право, касающееся международных вооруженных конфликтов, А также Трибунал сказал, что «общий контроль предполагает не только снабжение и финансирование группы, но и координацию и общее планирование военных действий»¹⁰². Анализируя дело Тадича М. Сассоли писал, что в случае оккупации Женевские конвенции прямо предусматривают, что покровительствуемые лица не могут лишаться своих прав - и, следовательно, оккупирующая держава не освобождается от ответственности в результате внесения каких-либо изменений в установления, действующие на данной территории¹⁰³.

Более подробно понятие «эффективный контроль» и его содержания раскрываются в практике Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Отдельно отметим, что в практике ЕСПЧ сформировались такие понятия как «action overseas» («действия вне территории»), под которыми следует понимать то, что государства-участники Конвенции по защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ)¹⁰⁴ берут на себя обязательство по обеспечению прав и свобод всем лицам в пределах своей юрисдикции, независимо от того, происходит ли это в пределах международно признанных границ или границ, признанных Конституцией, и независимо от наличия каких-либо правовых

¹⁰⁰ Трибунал был учрежден Резолюцией 827 Совета Безопасности от 25 мая 1993 г. Его Устав был первоначально опубликован в качестве Приложения к Докладу Генерального секретаря, в соответствии с п. 2 Резолюции 808 (1993) Совета Безопасности, UN Doc. S/25704 (1993).

¹⁰¹ Judgment, *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, Case No. IT-94-1-A, ICTY Appeals Chamber, 15 July 1999 (далее: *Tadic, Appeals Chamber, Judgment*)

¹⁰² *Tadic, Appeals Chamber, Judgment, loc. cit. paras 115-145.*

¹⁰³ М. Сассоли и Л. Олсон. Решение Апелляционной камеры МУТЮ по существу дела Тадича. Новые горизонты для международного гуманитарного и уголовного права? // <http://referatvpm.nugaspb.ru/reshenie-apellyacionnoj-kameri-mutyu-po-sushestvu-dela-tadicha.html>

¹⁰⁴ Европейская Конвенция по защите прав человека и основных свобод http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ ;

оснований для действий в каком-либо месте; и понятие «*espace juridique*» («правовое пространство»), которое применяется Судом для обозначения сферы распространения компетенции государств-участников и, которое устанавливает границы, в пределах которых существуют обязательства государств по обеспечению прав и свобод, предусмотренных Европейской Конвенцией¹⁰⁵.

И более того, в практике деятельности Страсбургского Суда сложился ряд доктрин по толкованию и применению ЕКПЧ, без учета которых не возможно ни понимание, ни рассмотрение какого-либо понятия. Европейский суд исходит из того, что ЕКПЧ должна интерпретироваться «*as a living instrument*¹⁰⁶» (как доктрина «живого инструмента») и «*in the light of present-day conditions*¹⁰⁷» (в свете современных условий). Таким образом, авторы Конвенции закрепили в ней положения, способствующие достижению ее целей, в то время как доктрина «живого инструмента» придала им подвижное содержание, утвердив, что понимать их следует «*in the light of present-day conditions*». Вышеописанное явилось предпосылкой к созданию эффективного и стабильного механизма защиты прав человека, который будет оставаться актуальным по мере развития правовых систем и общества. В практике Европейского Суда по правам человека эволюционизм подтверждается двумя доктринами, отражающими его позитивный и негативный аспект. Первый является базисом для доктрины «*margin of appreciation*», второй выразился в доктрине «*autonomous concepts*». Суть доктрины «*margin of appreciation*» («свобода усмотрения») заключается в создании неких правовых рамок, в пределах которых государства имеют свободу действий по защите прав. Предпосылкой для формирования данной доктрины явилось отсутствие консенсуса по некоторым правовым

¹⁰⁵ Key Concepts of European Convention on Human Rights // Council Of Europe, 2005, P. 17.

¹⁰⁶ ECHR – Tyrer v. United Kingdom 26 (ser.A) at 31 (1978).

¹⁰⁷ ECHR – Marckx v. Belgium, 31 (ser.A) at 19 (1979).

институтам среди государств-участников Конвенции¹⁰⁸. «Автономные понятия» как бы отбрасывают с пути интерпретатора препятствие в виде ранее данных определений. Эти понятия не зависят от их интерпретации национальными законодателями. Тот, кто толкует текст Конвенции, становится единственным автором ее терминологии, и как следствие приобретает возможность по своему усмотрению менять эту терминологию со временем. К настоящему моменту практика ЕСПЧ знает множество «autonomous concepts»: «имущество», «гражданские права и обязанности», «семейная жизнь» и т.д.¹⁰⁹.

Так, в деле Луизиду Суд определил «эффективный контроль», как ситуацию, в которой официальные представители государства-члена осуществляют в отношении лиц или имущества, находящихся за пределами его национальных границ, весь объем официальных полномочий либо их часть, являющихся исключительно государственными и, что согласно его установившейся практике, понятие «юрисдикция» определяемое в ст. 1 Конвенции не ограничивается государственными территориями Договаривающихся Сторон. А так же Суд обязал государство-участника Конвенции, осуществляющего данный контроль, обеспечивать на контролируемой территории права, гарантируемые Конвенцией и Протоколами к ней¹¹⁰.

В деле Кипр против Турции Суд расширил данное определение «эффективного контроля» и подчеркнул, что в соответствии с принципами международного права, регулирующими ответственность государств, ответственность может также возникнуть в результате ведения или поддержки вооруженных действий, при этом не имеет значения являются ли данные действия законными или нет, и осуществляются ли такие действия

¹⁰⁸ Юроу Х.Р., Свобода усмотрения в развивающейся юриспруденции Европейского суда по правам человека // Kluwer Law International, London, Boston and The Hague, 1996, С. 13.

¹⁰⁹ Letsas G. Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer // EJIL, 2010. P. 526.

¹¹⁰ ECHR – Loizidou v. Turkey, 1998

напрямую или через свои вооруженные силы или через подконтрольную местную администрацию¹¹¹.

Еще более развернутое понятие «эффективного контроля» на сегодняшний день дано Судом в Решении по делу Чигаров и другие против Армении. В частности, Суд привел следующие аргументы в подтверждение осуществления Арменией эффективного контроля над территорией Нагорного Карабаха: едва ли можно себе представить, что Нагорный Карабах, территория с населением менее 150 000 этнических армян, был в состоянии, без существенной военной поддержки со стороны Армении, создать силы обороны в 1992 году против Азербайджана, государства с населением около 7 миллионов человек, и не только установить контроль над территорией бывшего НКАО, но и подчинить 7 прилегающих районов Азербайджана; военное вовлечение Армении в дела Нагорного Карабаха было зафиксировано в июне 1994 года в «Соглашении о военном сотрудничестве между Правительством Республики Армения и Республикой Нагорного Карабаха», содержащего положение о том, что военнослужащие Армении и Нагорного Карабаха могут проходить военную службу в войсках любой из этих двух «стран»; и более того, финансовая поддержка, предоставленная Арменией Нагорному Карабаху, как это отмечалось в докладе Международной кризисной группы (International Crisis Group), показывает, что в 2005 году бюджет Нагорного Карабаха только на 26.7% покрывался средствами самого Карабаха, при этом межгосударственный кредит предоставленный Арменией в 2004 - 2005 годах Нагорному Карабаху составлял 51 000 000, остался невозвращенным¹¹².

Таким образом, особая практика ЕСПЧ сформировала основные правовые характеристики эффективного контроля: финансовая поддержка (с использованием кредитно-финансовых институтов или иных организационных форм) одной из сторон конфликта с целью установить в

¹¹¹ ECHR – Cyprus v. Turkey, 2001

¹¹² ECHR – Chigarov and Others v. Armenia, 2015, par. 174, 175, 183,

том числе и финансовый контроль над территорией; оказание какой-либо материальной и нематериальной помощи (включая военную), либо иных видов услуг; оказание воздействия на какую-либо административно-управленческую деятельность в обозначенном регионе.

Сложность квалификации ситуации и возможности осуществления нескольких видов контроля (режима) над территорией хорошо иллюстрирует нагорно-карабахский конфликт. Так, например, начиная с момента возникновения конфликта и до настоящего времени Совет Безопасности ООН (СБ ООН) и Генеральная Ассамблея ООН (ГА ООН) приняли ряд резолюций, в которых речь идет, например, о необходимости «воздерживаться от поставок любого оружия и военного имущества, которые могли бы привести к эскалации конфликта или продолжению оккупации территории»¹¹³ или о невозможности признать «законной ситуацию, сложившуюся в результате оккупации территорий Азербайджанской Республики» или содействовать или способствовать «сохранению этой ситуации»¹¹⁴. Отдельно отметим, что центральным аспектом карабахского конфликта стало поощрение Арменией перемещение ее населения в Лачинский район Республики Азербайджан (переселенцы, получали финансовую поддержку от правительства Армении, гранты и налоговые льготы, они были освобождены от коммунальных услуг) и доминирования в настоящее время в Карабахе (Арцахе) этнического армянского населения, в то время как IV Женевская Конвенция прямо запрещает перемещение оккупирующей державой части своего собственного гражданского населения на оккупированную ею территорию (ст. 49)¹¹⁵.

¹¹³ Резолюция № 853. Вторая по счету резолюция Совета Безопасности ООН принятая со времени начала армяно-азербайджанского конфликта. Была единогласно принята Советом Безопасности ООН 29 июля 1993 года на 3259-м заседании.

¹¹⁴ Резолюция ГА ООН от 14 марта 2008 года № A/RES/62/243 Положение на оккупированных территориях Азербайджана.

¹¹⁵ Kontorovich E. *Unsettled: a global study of settlements in occupied territories* // Northwestern University School of Law Public Law and Legal Theory Series. №16-20, 2016.

По вопросу о нарушении права собственности, ЕСПЧ сделал следующие выводы: у граждан Азербайджана фактически не было доступа (и по настоящий момент нет) к их собственности, расположенной в Лачинском районе республики ввиду постоянного военного присутствия сил Армении на территории Азербайджана и общего враждебного отношения между Арменией и Азербайджаном; таким образом, имело место продолжающееся вмешательство в права заявителей согласно ст. 1 Протокола I ЕКПЧ. Иными словами, пример ситуации в Нагорном Карабахе показал, что именно перемещение на оккупированную территорию граждан Армении создало ситуацию, при которой стало возможным нарушение прав по владению, пользованию и распоряжению законных собственников имущества.

Ситуацию оккупации также следует отличать от аннексии, конвенционного определения которой тоже не зафиксировано. Согласно доктринальным подходам под аннексией следует понимать насильственное присоединение одним государством всей или части территории другого государства в одностороннем порядке, и соответственно аннексию от оккупации отличает отсутствие факта изменения юридической принадлежности территории и перехода суверенитета на оккупируемую территорию.

Под аннексией понимается ситуация, когда приобретающее государство утверждает, что теперь оно владеет территорией. Аннексия часто следует за военной оккупацией территории, когда оккупирующая держава принимает решение о форме закрепления своего «физического контроля». Аннексия территории - это, по сути, действие, связанное с завоеванием. Одного лишь завоевания недостаточно, но, скорее, «захватывающее государство» должно утверждать, что оно теперь суверенно над соответствующей территорией¹¹⁶. С такой позицией соглашается Р. Хофман, говоря, что аннексия, это насильственное приобретение территории

¹¹⁶ Rothwell, Donald; Kaye, Stuart; Akhtarkhavari, Afshin; Davis, Ruth, *International Law: Cases and Materials with Australian Perspectives* // Cambridge University Press, 2014, p. 360

одним государством у другого государства. Так же он считает, что в соответствии с современным международным правом аннексия больше не представляет собой законного способа приобретения территории, поскольку она нарушает запрет на угрозу или применение силы. Поэтому аннексии не должны признаваться соответствующими международному праву¹¹⁷.

Современное международное право обязывает государства воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций (ст. 2 п.4 Устава ООН). Также Декларация о принципах международного права 1970 года¹¹⁸ говорит, что территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате применения силы и, что никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом применения силы, не должны признаваться законными. Заключительный акт СБСЕ 1975 года¹¹⁹ содержит требование воздержания для государств от применения силы в нарушение международного права или превращения территории друг друга в объект приобретения.

Современными и самыми очевидными примерам аннексии обычно считают Аншлюс¹²⁰, аннексию Техаса¹²¹ и Гавайев¹²² Соединёнными Штатами, аннексию Голанских Высот¹²³ Израилем. Из всего вышесказанного

¹¹⁷ См: Hofmann, Rainer, Annexation, Max Planck Encyclopedia of Public International Law // Oxford University Press, 2013.

¹¹⁸ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml

¹¹⁹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе
<https://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true>

¹²⁰ Завоевание Австрии Германией в 1938 году; Schmidl, Erwin. Der "Anschluss" Österreichs: der Deutsche Einmarsch im März 1938 // Bonn: Bernard & Graefe, 1994. (DB 99 .S34 1994)

¹²¹ Присоединение Техаса к США в 1845 году; The Treaty of Annexation - Texas; April 12, 1844
http://avalon.law.yale.edu/19th_century/texan05.asp

¹²² Свержение монархии в Королевстве Гавайи The Constitutional (Overthrow of the Kingdom of Hawaii);
https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4482&context=penn_law_review

¹²³ Benjamin Rubin, Israel, Occupied Territories // MPEPIL, 2009
<http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1301>

следует, что, во-первых, аннексия нарушает фундаментальные принципы международного права, такие как принцип неприменения силы и угрозы силой, принцип нерушимости государственных границ, принцип территориальной целостности государств, во-вторых, аннексия представляет собой акт, посягающий на государственную территорию, а значит угрожающий существованию основного субъекта международного права - государства, и в-третьих, аннексию можно считать одним из видов агрессии, что влечет международно-правовую ответственность.

На основании вышеизложенного автор пришел к следующим выводам:

1. Современному определению оккупации предшествовал довольно долгий период становления этого понятия, который можно разделить на несколько этапов, каждый из которых ставил перед учеными и практикой межгосударственного общения все новые и новые вопросы относительно правовых характеристик данного явления. В настоящий момент можно говорить, что, во-первых, ситуация оккупации может сложиться (возникнуть) как в период вооруженного конфликта, так и постконфликтный период; во-вторых, оккупация имеет временные ограничения, оккупирующее государство не приобретает суверенитета над оккупируемой территорией; и в-третьих, оккупирующее государство имеет как определенные права, так и несет обязанности в отношении территории, на которой действует оккупационный режим.
2. Право собственности было и остается главным (основным) и самым широким вещным правом. Право собственности в объективном смысле представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения принадлежности имущественных благ и бремени, а также включает в себя правовые средства защиты прав собственника, применяемых в связи с их нарушениями и направленных на восстановление прав и законных интересов их обладателей. Эффективности товарооборота, финансовой стабильности и выгодных

условий инвестирования невозможно добиться без закрепления права собственности и его правового обеспечения, именно поэтому государство становится заинтересованным в защите самого фундаментального имущественного права. Это подтверждается тем, что не только все национальные отрасли права так или иначе регулируют отношения собственности, но и иная система права (международное право) не смогла не выступить в качестве регулятора защиты данных правоотношений. Ситуация оккупации не стала исключением в свете необходимости защиты прав и интересов собственника. Защита права собственности в ситуации оккупации осложняется тем, что государство, как оккупирующее, так и оккупируемое должно быть заинтересовано в поддержании гражданского оборота. Как показало исследование в основном правонарушения в свете имущественных прав связаны во-первых, с заинтересованностью оккупанта в разграблении имущества на оккупированной территории в той или иной форме его проявления, и во-вторых, с незаинтересованностью или неспособностью оккупирующей стороны в сохранении имущественных прав частных лиц.

3. Международно-правовые нормы, направленные на регулирование отношений складывающихся между субъектами в период оккупации, как нормы универсальных конвенций, так и нормы отдельных межгосударственных соглашений, довольно детальным образом регулируют права и обязанности оккупирующего государства. Однако, в правоприменительной практике возникали определенные трудности, связанные с толкованием норм международного права, в немалой степени это вызвано тем, что понимание того или иного международно-правового предписания осуществляется в контексте с логикой национального правопорядка. Исключением не стали и ситуации оккупации, когда на начальном периоде, так называемый, «американский подход» отличался от «европейского», во время Первой мировой войны - «английский» - от «российского» и от «немецкого», а после Второй мировой - «северо-

американский и западно-европейский» от «советского», тем более, что ситуация оккупации в большей степени чем другие международно-правовые режимы в зависимости от приверженности государства к тем или иным политическим и экономическим моделям организации общества.

Глава II. Правовой анализ ситуаций оккупации и практики органов международного и национального правосудия во второй половине XX - начале XXI века.

Начиная со второй половины XX века практика межгосударственного общения имела ряд отличительных качественных характеристик, которые либо ранее не были известны, либо в свете изменяющихся глобальных экономических и политических процессов стали приобретать иные оттенки.

Особенностью XX века следует считать возникновение новых независимых государств Азии, Африки и Ближнего Востока. Процесс приобретения ими государственности во многих случаях сопровождался экономическими и политическими сложностями, а иногда и ведением боевых действий. Политико-правовые вопросы становления государственности тесно связаны, во-первых, с так называемым системно-структурным подходом, который включает в себя такие элементы как государственные институты (публичная власть), система права, политический режим, иными словами через совокупность государственных регуляторов могущих подвергаться качественному измерению, и, во-вторых, с качественным подходом, к элементам которого обычно относят легитимность власти, взаимосвязь понятий «государство» и «общество» и гражданское состояние общества и человека.

События XX века также довольно серьезно изменили характер и причины ведения войны. Если в первой половине XX века существовало представление о том, что население не имело абсолютно никакого права вмешиваться в выяснение отношений «между суверенами», даже в тех случаях когда результатом конфликта было лишение собственности и даже угроза жизни¹²⁴, то уже во второй половине XX века эти вопросы стали не так очевидны. Современные войны могут быть поняты только в контексте процесса глобализации, как интенсивно растущей и укрепляющейся

¹²⁴ Мартин ван Кревельд. Трансформация войны // М.2005. С.70

глобальной политической , экономической, военной и культурной взаимосвязанности, и в свете меняющейся природы политической власти.

Количественный рост числа международных юрисдикционных органов является состоявшимся и непреложным фактом, характерной чертой современного этапа развития международного права. Проявленная таким образом потребность международного сообщества в судебных органах, их востребованность свидетельствуют о том, что динамически развивающаяся и непрерывно усложняющаяся система международного права во всей ее многообразии и сложности (имеется в виду, как общее международное право, так и региональные системы, а также правопорядки отдельных стран), нуждается в юрисдикционной функции, и еще более, в правосудии, в самом высоком смысле этого слова. Иными словами, современное международное право немыслимо без деятельности органов международного правосудия, которые безусловно влияют на стабильность и развитие международного порядка.

Анализ мотивировочной части решений органов международного и национального правосудия позволяет выявить многообразие применяемых судьями методов толкования , изложения аргументации судей , расстановки ими юридических акцентов и их приверженность различным ценностным установкам. Правовые позиции международных и национальных судов зачастую становятся определяющими в практической деятельности государств, как на национальном, так и на международном уровне, а также в деле разработки новых норм международного права или же по уточнению содержания действующих принципов и норм международного права , в том числе отраслевого характера. Особенно ярко это проявляется в таких отраслях международного права, как международное экономическое право, право вооружённых конфликтов и международное право прав человека. Более того, все чаще международные суды принимают решения , в которых действующие нормы международного права толкуются эволюционно.

2.1. Вопросы защиты права собственности в период оккупации на территории Республики Кипр.

Рассмотрение так называемого «кипрского вопроса» следует начать с событий 1914 года, когда Великобритания «Приказом в совете» (Order in Council) вышла из Кипрской конвенции, подписанной на Берлинском конгрессе 4 июня 1878 года, в связи с вступлением Османской Империи в Первую мировую войну на стороне Германии. В соответствии с положениями Конвенции Османская Империя передала право управления островом Англии¹²⁵, но Кипр оставался территорией Османской Империи¹²⁶ (в соответствии со ст. 6 Конвенции Великобритания обязалась вернуть управление Кипра в случае возвращения Россией Османской Империи оккупированных территорий в городах Карс, Ардахан и Батум¹²⁷).

Отдельно необходимо отметить, что многие исследователи подчеркивают разобщенность кипрского населения под британским правлением, в частности речь идет об ослаблении бизнес связей между общинами и уменьшении количества межобщинных браков¹²⁸. Утрата общности отразилась и в создании отдельных греко-кипрских и турко-кипрских полномочных советов по вопросам религии и культуры, наделенных правом развития свободных и самостоятельных отношений с Афинами и Анкарой.

Уже после Второй Мировой Войны в 1946 году Лондон вступает с предложением о созыве комиссии с участием представителей обеих кипрских общин для выработки новой конституции и разработки системы управления Кипра. 16 августа 1954 года по инициативе Греции кипрский вопрос

¹²⁵ Жукова Н.М., Кипрский вопрос в глобальной системе международных отношений. М., 2011. С. 17

¹²⁶ Шпаро О.Б., Захват Кипра Англией. М., 1974.

¹²⁷ Sevin Toluner, Kıbrıs Uyuşmazlığı ve Milletlerarası Hukuk // İstanbul: İstanbul Üniversitesi Yayınları, 1977. С. 11-12.

¹²⁸ Richmond P. Oliver, Ethno-nationalism, sovereignty and negotiating positions in the Cyprus conflict - obstacles for settlement // Middle Eastern Studies., Vol 35, N 3, July 1999. p. 43; Joseph S.J., Cyprus: Ethnic Conflict and International politics // London, 1997. P.16

попадает на рассмотрение в Организацию Объединенных Наций¹²⁹, где большинство государств поддержали позицию Великобритании, которые в основном были связаны с созданием автономий на острове¹³⁰. Однако 1 апреля 1955 года прозвучали взрывы первых бомб Союза борцов за освобождение нации Кипра (ЭОКА), звуки которых, как сказал Глафкос Клеридис (президент греков-киприотов на Кипре с 1993 по 2003 годы), «станут столь знакомыми через несколько лет последующего кровопролития»¹³¹. На острове в целях защиты турецкой общины от вооруженных акций ЭОКА была создана Турецкая организация обороны (ТМТ)¹³². Таким образом, усилились межобщинные столкновения. Лондон, оценивая опасность последствий дестабилизации обстановки на острове, в конце августа 1955 года созывает трехстороннюю конференцию, на которую были приглашены министры иностранных дел Великобритании - МакМиллан, Турции – Зорлу и Греции - Стефанопулос, и итогом которой стала резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №1013 (XI) 26 февраля 1957 года¹³³, в которой выражались желания о мирном и демократическом решении, и о продолжении переговоров. Далее в 1958 - 1959 годах состоялся еще ряд переговоров, итогом которых стало согласование деталей предстоящих международных переговоров, прошедших 11-12 февраля 1959 года в Лондоне. 17 февраля 1959 года состоялась Лондонская конференция по Кипру, на которой были выработаны и подписаны Лондонско-Цюрихские договоры¹³⁴.

¹²⁹ Toluner, Kıbrıs Uyuşmazlığı, s. 55. // Sedef Ergör, Avrupa Birliği'nin Kıbrıs Politikaları: Değişim mi Süreklilik mi, Başkent Üniversitesi, Ankara, 2011, С. 18

¹³⁰ Бредихин Олег Николаевич, Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития // Москва, 2006 С.43

¹³¹ Clerides G. Cyprus: My deposition. Nicosia, 1989. P.30

¹³² См: Ulvi Keser, Kıbrıs'ta Yeraltı Faaliyetleri ve Türk Mukavemet Teşkilatı, IQ Yayınları // İstanbul, Ocak 2007

¹³³ Резолюция ГА ООН 1013 (XI), 1957

¹³⁴ Эти документы называются по-разному: «Лондонско-цюрихские, Цюрихские соглашения». См: Иванова И.И., Мейер М.С., Уразова Е.И., Республика Кипр // М., 1992. С. 57

16 августа 1960 года в соответствии с соглашениями, подписанными Грецией, Турцией и Великобританией весной 1959 года в Цюрихе и Лондоне, Кипр стал независимой Республикой.

К сожалению, договоренности по установлению общих муниципалитетов и общей судебной системы, созданию единого органа по выработке правовых предписаний и системы общего голосования, а также уменьшению числа турок-киприотов в армии, полиции и государственном управлении, достигнуты не были. Усиливающиеся межобщинные противоречия на острове спровоцировали конфликты между турецким и греческим населением, что вызвало эскалацию напряжения в регионе. 4 марта 1964 года была принята резолюция Совета Безопасности ООН и были сформированы вооружённые силы ООН на Кипре, а также назначен посредник ООН на Кипре¹³⁵. Но и следующие десять лет улучшения ситуации не принесли, а напротив обострили отношения между Афинами и Анкарой.

Несмотря на призывы Совета Безопасности ООН, в ночь на 21 июля 1974 года Турция начала военную операцию, в результате которой оккупировала 37% суверенной территории Республики Кипр. В день начала операции Совет Безопасности ООН призвал все стороны, участвующие в боевых действиях, прекратить огонь, прекратить иностранную военную интервенцию, вывести весь присутствующий там военный персонал и начать мирные переговоры¹³⁶.

Однако 13 февраля 1975 года, руководство турецкой общины в одностороннем порядке провозгласило Турецкое Федеративное Государство Кипр на севере острова. Впоследствии, 15 ноября 1983 года, новое государство объявило о своей независимости от Республики Кипр и стало называться Турецкой Республикой Северного Кипра (ТРСК), которая до сегодняшнего дня остается признанной только Турцией.

¹³⁵ Резолюция 186, принятая Советом Безопасности 4 марта 1964.

¹³⁶ Резолюция 353 принятая Советом Безопасности 20 июля 1974.

Совет Безопасности ООН выразил сожаление по поводу провозглашения в одностороннем порядке ТРСК и призвал все государства «не признавать никакое кипрское государство, кроме Республики Кипр»¹³⁷. Впоследствии эти требования были подтверждены Советом Безопасности в многочисленных резолюциях, которые Турция проигнорировала, а так же в нарушение положений четвертой Женевской конвенции переместила большое число своих граждан на оккупированную территорию. По различным оценкам, сегодня в оккупированной части Кипра насчитывается около 150000 - 160000 поселенцев.

Позиция Совета Безопасности ООН основывалась на существовании государства Кипр с единым суверенитетом и международной правосубъектностью, с гарантированной независимостью и территориальной целостностью, в состав которого входят две равноправные в политическом отношении общины¹³⁸, при этом Совет Безопасности обязывал воздерживаться от угрозы силы или ее применения как средства по урегулированию кипрской проблемы¹³⁹. В Резолюции 550 от 11 мая 1984 года¹⁴⁰ СБ ООН обозначил свою позицию серьезной озабоченности «дальнейшими сепаратистскими акциями на оккупированной части Республики Кипр».

Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций неоднократно подчеркивали в ряде своих резолюций по Кипру нарушение прав человека турецкими оккупационными силами. В частности, Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции 37/253 (13/5/1983) «призывает к восстановлению и уважению прав человека и

¹³⁷ Резолюция 541 принятая Советом Безопасности 18 ноября 1983.

¹³⁸ Резолюция 774 принятая Советом Безопасности 26 августа 1992; Резолюция 939 принятая Советом Безопасности 29 июля 1994; Резолюция 1179 принятая Советом Безопасности 29 июня 1998; Резолюция 1217 принятая Советом Безопасности 22 декабря 1998; Резолюция 1251 принятая Советом Безопасности 29 июня 1999.

¹³⁹ Резолюция 550 (1984) от 11 мая 1984 года. Резолюция 578 (1985) от 12 декабря 1985 года. Резолюция 649 (1990) от 12 марта 1990 года. Резолюция 1218 (1998) S/RES 1218 (1998).

¹⁴⁰ Резолюция 550 принятая Советом Безопасности 11 мая 1984.

основных свобод всех киприотов, включая свободу передвижения, свободу поселения и право на собственность».

Многочисленные нарушения и неэффективность механизмов правосудия, действующих на оккупированной части острова, были также отмечены Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ или Европейский Суд). Нарушение права собственности в большинстве случаев связано с военным присутствием, и, соответственно, с отказом физическим лицам в непосредственном доступе к их собственности¹⁴¹.

Краеугольным судебным решением на сегодняшний момент в практике ЕСПЧ по толкованию вопросов, связанных с защитой права собственности в ситуации военного присутствия, политического влияния и экономической поддержки является дело Луизиду против Турции, вынесенное в 1998 году¹⁴². Заявительницей по делу была гражданка Кипра г-жа Титина Лоизиду. 19 марта 1989 года группа киприоток «Women Walk Home»¹⁴³, организовала марш с заявленным намерением пересечь линию прекращения огня турецких войск. Из Никосии демонстранты выехали в деревню Лимбия, где группе удалось пересечь буферную зону и линию турецких войск. Некоторые из женщин, в том числе Лоизиду, были арестованы турко-киприотскими полицейскими. Позже в тот же день они были освобождены должностными лицами Организации Объединенных Наций в Никосии и переведены в район киприотов-греков.

Г-жа Лоизиду обратилась с жалобой в Европейскую комиссию по правам человека 22 июля 1989 года, где утверждала, что невозможность доступа к ее земельной собственности представляет собой для нее

¹⁴¹ Машкова Е.В., Балабанов И.Д. Международно-правовая квалификация вооруженного конфликта: актуальные вопросы судебной практики // Сборник докладов международной научно-практической конференции «Стратегия национального развития задачи российской юридической науки. М. 2016. С.207-211.

¹⁴² Лоизиду против Турции, Судебное решение от 18 декабря 1996, http://european-court.eu/uploads/ECHR_Loizidou_v_Turkey_18_12_1996.pdf;

¹⁴³ Women Walk Home - независимое беспартийное движение киприотов-греков из всех слоев общества. Они посвящены ненасильственным динамическим действиям, чтобы продемонстрировать их отказ от разделения Кипра. <http://www.hri.org/news/special/loizidou/walk.html>;

нарушение ст. 1 Протокола N 1¹⁴⁴ и, что с начала турецкой оккупации северной части страны заявителнице было отказано в доступе к ее собственности. Соответственно она была лишена возможности распоряжаться ею по своему усмотрению. Согласно позиции турецкого правительства, Лоизиду утратила право собственности 7 мая 1985 года в результате начала действия статьи 159 Конституции Турецкой Республики Северного Кипра, которая имела целью экспроприацию собственности в границах ТРСК, которая считалась оставленной после 13 февраля 1975 года. Однако, по мнению ЕСПЧ, справедливость экспроприации зависит от признания ТРСК международным сообществом. Опираясь на резолюции Совета Безопасности ООН¹⁴⁵, Европейский Суд постановил, что правовые акты ТРСК не имеют юридической силы и что, соответственно, заявитель не мог утратить свою собственность на основании Конституции ТРСК.

По делу Луизиду против Турции Европейская Комиссия посчитала, что из-за присутствия на Кипре турецких войск, которые осуществляют полный контроль над пограничной территорией, заявителница лишилась, и надолго, права доступа в северную часть Кипра. В частности, Комиссией было отмечено, что учитывая значительное количество турецких войск, находящихся в северной части Кипра, и, что турецкая армия полностью контролирует эту часть острова, это влечет за собой в обстоятельствах данного дела ответственность Турции за политику и действия властей ТРСК. Лица, которые на себе испытывали и испытывают результаты указанной политики и деятельности властей ТРСК, фактически оказываются под «юрисдикцией» Турции в смысле ст. 1 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ или Европейская Конвенция). Таким образом, обязательства Турции по обеспечению гарантируемых ЕКПЧ прав и свобод распространяются и на северную часть Кипра¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Протокол N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, <http://www.echr.ru/documents/doc/2440801/2440801.htm>;

¹⁴⁵ Резолюции СБ ООН 541 (1983) и 550 (1984)

¹⁴⁶ В своем решении по существу от 18 декабря 1996 года, суд отклонил возражение *ratione temporis* и нашел что непрерывный отказ в доступе заявителя к ее имуществу в Северном Кипре и последовавшая за этим

В своем решении по делу Европейский Суд постановил одиннадцатью голосами против шести, что ответственность за отказ предоставить заявительнице доступ к ее собственности и за последующую утрату заявительницей контроля над этой собственностью ложится на Турцию, и что имеет место нарушение ст. 1 Протокола N 1. Значение дела Лоизиду заключается еще и в том, что ЕСПЧ отдельно подчеркнул, что оккупирующая держава несёт ответственность за нарушения прав человека на оккупированной территории. Кроме того, очевидно, что механизмы защиты прав, используемые турецкой стороной, являются неэффективными, и в связи с этим, ЕСПЧ распространяет свою юрисдикцию.

Следующим делом, рассмотренным ЕСПЧ, было дело Евгения Михаэлиду Девелопментс Лтд и М. Тимвиос против Турции¹⁴⁷. Заявителями являются частная компания, зарегистрированная в Никосии, а также ее директор и основной акционер г-н Тимвиос - грек-киприот. Компания имела в собственности несколько земельных участков, расположенных на территории Турецкой Республики Северного Кипра. Заявители в течение долгого времени не имели доступа к указанным участкам, поскольку военные власти Турции препятствовали им в этом. Заявители также утверждали, что были лишены возможности беспрепятственно пользоваться своим имуществом. В своем решении по делу Европейский Суд сказал, что в данном случае имело место нарушение ст.1 Протокола № 1 к ЕКПЧ, которое заключалось в длительном лишении заявителей возможности пользования и управления их собственностью, и отсутствии какой-либо компенсации за указанное вмешательство в их имущественные права.

Еще одним делом, по которому было вынесено решение, было дело Демадес против Турции¹⁴⁸, В данном деле заявитель - гражданин Кипра

утрата всякого контроля над собственностью, это вопрос, который подпадает под «юрисдикцию» Турции по смыслу Статьи 1 Конвенции и, таким образом, вменяется Турции

¹⁴⁷ ЕСПЧ - Евгения Михаэлиду Девелопментс Лтд и М. Тимвиос против Турции, <http://base.garant.ru/55093955/>

¹⁴⁸ ЕСПЧ - Демадес против Турции, <http://www.echr.ru/documents/doc/5593067/5593067.htm>

утверждал, что он является владельцем участка земли и дома на территории Северного Кипра. Однако, начиная с 1974 года, вооруженные силы Турции не давали ему возможности доступа к его собственности, а соответственно - пользования и владения ею. Европейский Суд пришел к выводу, что допущено нарушение положений ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции (принято шестью голосами "за" и одним голосом "против"). По поводу ст. 8 Конвенции ЕСПЧ отметил, что понятию «жилище» должно даваться широкое толкование. Такое понятие может включать, например, второй дом человека. Дом заявителя, о котором идет речь, таким образом, можно квалифицировать как жилище в пределах значения ст. 8 Конвенции. Ограничение его прав властями Турции, предположительно, в интересах обеспечения безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений и защиты прав и свобод других лиц, не было оправдано, равно как не было признано обоснованным утверждение представителя Турции в Европейском Суде, что понятие «жилище» не может быть применено к месту, где лицо больше не проживает.

И наконец, ЕСПЧ в порядке рассмотрения индивидуальных жалоб вынес решение по делу Ксенидес-Арестис против Турции¹⁴⁹, в котором заявительница, гражданка Кипра являлась собственницей половины земельного участка на территории г. Фамагуста, а также жилого дома, в котором она проживала с супругом и детьми (она также владела участком земли, занятым под фруктовый сад). Начиная с 1974 года, заявительница была лишена возможности проживать в своем доме или использовать свою земельную собственность по причине продолжающегося разделения территории острова Кипр с момента проведения в том году военных операций. По поводу соблюдения требований ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции Европейский Суд пришел к выводу, что Правительство Турции

¹⁴⁹ Суд по правам человека по делу «Ксенидес-Арестис против Турции», приняв за основу прецедент по делу Луизиду, установил выплату возмещения в размере 1,1 млн. долларов за лишение права распоряжаться и пользоваться собственностью. Суд принял решение о том, что Турция нарушила статью 8 Конвенции (уважение к дому), статью 1 Первого протокола (защита собственности), статью 14 Конвенции (этническая дискриминация).

продолжает осуществлять полный военный контроль над территорией Северного Кипра, и то обстоятельство, что греко-киприоты отвергли «план Аннана», не имело никакого юридического значения для обязанности положить конец дпящемуся нарушению прав перемещенных лиц. Европейский Суд также пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований ст. 8 Конвенции.

В деле Кипр против Турции 2001 года по межгосударственной жалобе¹⁵⁰, в котором было вынесено решение по существу, и деле Кипр против Турции 2014 года, в котором был определен размер компенсации в объеме 90 миллионов евро за последствия военной оккупации Северной части острова, в качестве сатисфакции Кипру, и за нарушения прав человека на территории Турецкой Республики Северного Кипра¹⁵¹, Суд, в частности, сказал: «характер предполагаемого вмешательства в имущественные права перемещенных греков-киприотов был, в сущности, таким же, как вмешательство, на которое уже была подана жалоба госпожой Луизиду, разница лишь в том, что вышерассмотренное дело касалось только одного конкретного случая, при этом выводы, сделанные Судом в пунктах 63-64 дела Луизиду, должны так же применяться и в данном деле Кипр против Турции¹⁵². В частности Европейский Суд сказал, что Турция совершает «непрерывное нарушение статьи 1 Протокола №1¹⁵³, поскольку землевладельцы киприотов-греков на севере Кипра лишены права на свободный доступ и контроль и пользование их имуществом, а также любую компенсацию за вмешательство в их имущественные права»¹⁵⁴.

Также Суд постановил, что «Республика Кипр остается единственным законным правительством Кипра. Это означает, что Республика Кипр по-прежнему сохраняет законные права на всю свою территорию и население, хотя и имеет место временное препятствие осуществлению таких прав в

¹⁵⁰ Case of Cyprus v. Turkey, 2001

¹⁵¹ Case of Cyprus v. Turkey, 2014

¹⁵² Grand Chamber judgment in the case of Cyprus v. Turkey (application no. 25781/94)

¹⁵³ Protocol 1 to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 1952

¹⁵⁴ Cyprus v. Turkey (application no. 25781/94), *supra*

оккупированных районах из-за применения военного насилия»¹⁵⁵. Генеральный прокурор Республики Кипр, Солон Никитас в своем заявлении от 6 апреля 2005 года приветствовал решение Европейского суда по правам человека, в котором подчеркивалось, что это решение укрепляет и укрепляет государственность и международный статус Республики Кипр¹⁵⁶.

Решение по делу Кипр против Турции - это далеко идущее решение. Большинство голосов данное судебное решение определило, что: во-первых, в нарушение ст. 6 Европейской Конвенции Турция допускает для турко-киприотов рассмотрение гражданских дел военными судами; во-вторых, своим отказом разрешить кому-либо из перемещенных греков-киприотов вернуться в свои жилища Турция продолжает нарушать ст. 8 Конвенции; в-третьих, Турция допускает нарушения положений ст. 1 Протокола I к Европейской Конвенции. Иными словами, в решении было установлено, что ответственность Турции распространяется на действия властей Турецкой Республики Северного Кипра, из чего можно сделать вывод о том, что обязанность защищать права населения на территории Северного Кипра возлагается на Турцию.

Отдельно следует сказать о ситуации, сложившейся в связи с заключением сделок купли-продажи недвижимого имущества на оккупированной части территории Республики Кипр. Правительства многих государств, принимая во внимание решение ЕСПЧ по делу Кипр против Турции, в котором Европейский Суд указал, что «Республика Кипр продолжает сохранять законные права на всю свою Кипра»¹⁵⁷, призвали своих граждан не заключать сделки относительно имущества, расположенного на оккупированных территориях. Европейский Суд следующим образом аргументировал свою позицию: «такие продажи являются незаконными и недействительными, и покупатели не только потеряют свои деньги, но и совершают уголовное преступление, нарушая

¹⁵⁵ Ibid.

¹⁵⁶ Illegal Exploitation of Greek Cypriot properties by Turkey in occupied areas, 2005, URL: <http://www.cyprusfederation.org/?p=385>.

¹⁵⁷ Cyprus v. Turkey (application no. 25781/94), supra

право собственности законных владельцев. Европейские граждане, которые задумываются о покупке или эксплуатации имущества, принадлежащих киприотам-грекам в оккупированном турецкими военными территориями Республики Кипр, должны будут очень много думать, прежде чем это сделать, поскольку их действия представляют собой уголовное преступление, за которое им придется столкнуться с законодательством о Европейском ордере на арест в любой из стран Европейского Союза (ЕС), где они могут находиться».

Например, в случае, если гражданин Кипра обратится в Суд Республики Кипр, обвинив какого-либо гражданина ЕС, который проживает на оккупированных турецкими войсками территориях, с иском о незаконном владении или эксплуатации его имущества, Суд Республики Кипр может выдать Европейский ордер, который дает возможность задержания разыскиваемого лица другим государством-членом ЕС для уголовного преследования. В случае невозможности ареста, поскольку ответчик может жить на территории оккупированных районах, Суд будет иметь право выдать Европейский ордер на арест. Следовательно, ответчик будет нести ответственность в соответствии с национальным законодательством того из государств-членов ЕС, в котором он может быть обнаружен и задержан. Суды Республики Кипр обладают такой возможностью после принятия Палатой представителей Кипра 17 декабря 2005 года закона, в соответствии с которым были внесены изменения в положения ст. 281 Уголовного кодекса Республики Кипр.

Отдельно отметим реакцию национальных правительств на покупку недвижимости на оккупированных территориях Республики Кипр. Правительство Великобритании опубликовало следующие рекомендации для своих граждан, которые «выстраиваются в очередь для покупки домов и земельных участков в оккупированных Турцией районах Кипра по очень

низким ценам»¹⁵⁸: искать независимые квалифицированные юридические консультации, поскольку вопросы собственности тесно связаны с политической ситуацией на острове. Министерство иностранных дел Российской Федерации издало туристические инструкции¹⁵⁹, которые не позволяли гражданам России приобретать недвижимость киприотов-греков на оккупированных территориях Турции на Кипре, указывая, что решения кипрских судов могут быть выполнены и в России. Государственный департамент США опубликовал на своем официальном веб-сайте инструкцию о приобретении имущества на оккупированных территориях Турции¹⁶⁰, отметив следующее: «действия граждан США по покупке или аренде имущества, особенно на территории Северного Кипра, могут быть оспорены лицами, перемещенными в 1974 году. Предполагаемые покупатели недвижимости должны обратиться за юридической консультацией перед покупкой».

На основании изложенного можно сделать вывод, что начиная с 1974 года и по настоящее время северная часть территории Республики Кипр находится под оккупацией Турецкой Республики. Ситуация оккупации признана таковой как сообществом государств, так и Организацией Объединенных Наций. Ситуация оккупации длится вот уже более сорока лет, а значимых успехов по разрешению «кипрского вопроса» достигнуто не было, несмотря на предпринимаемые международным сообществом усилия.

Одно из основных нарушений, которое допускает оккупационная власть, лежит в сфере защиты права собственности и касается невозможности доступа к имуществу, а значит владению, распоряжению или пользованию лицам, покинувшим свои жилища или иным образом

¹⁵⁸Buying property situated in Northern Cyprus, Information Sheet №41, 2010, URL: <http://www.totalserve.eu/Assets/Images/uploadedContent/CMS/documentsImages/information-sheet-no411475734289.pdf>.

¹⁵⁹ Общие элементы поведения, рекомендуемые для большинства государств мира, в целях недопущения нежелательных инцидентов, URL: http://www.kdmid.ru/info.aspx?lst=info_wiki&it=/Obshchiye%20elementy%20povedeniya.aspx.

¹⁶⁰ U.S. Relations With Cyprus, <https://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/5376.htm>.

оставившим свою собственность, в следствие осуществляемой Турцией политикой переселения.

В настоящее время в числе самых востребованных форм защиты нарушенного права выделяется судебная. Если говорить непосредственно о Европейском Суде , то важность этого института объясняется тем , что Европейская Конвенция, не отказавшись от традиционных представлений о компетенции постоянных международных судебных органов, допустила прямое обращение граждан в созданную ею наднациональную юрисдикцию. И более того, выдвинутая ЕСПЧ концепция применения консолидирующих методов толкования принципов и норм международного права, допускает при разрешении споров возможность учитывать все относящиеся к рассматриваемым вопросам положения международного права в совокупности. Иными словами , консолидирующее толкование способно в значительной степени предотвратить нежелательные последствия , защитить и по возможности восстановить нарушенное право, а также привести в международный правопорядок новации.

2.2. Вопросы защиты права собственности в период оккупации на Палестинских территориях.

Оккупации палестинских территорий в 1967 году предшествовали следующие события: постоянные нападения на гражданское население Израиля со стороны Палестины¹⁶¹, «изгнание» чрезвычайных вооружённых сил Организации Объединённых Наций (UNEF)¹⁶², мобилизация Египтом большого количества войск на Синайский полуостров¹⁶³. Все эти действия привели к тому, что Израиль принял решение осуществить упреждающий удар против Египта (и его союзников), известный как Шестидневная война¹⁶⁴.

Израильская оккупация палестинской территории (Западный берег, включая Восточный Иерусалим и сектор Газа) продолжается более пятидесяти лет. Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций Кофи Аннан в своем заявлении в Совете Безопасности 12 марта 2002 года призвал Израиль «прекратить незаконную оккупацию»¹⁶⁵, под словом «незаконный» К. Аннан понимал отказ Израиля принять юридические обязательства, которые влекут за собой статус оккупирующей державы, и его действия, противоречащие этим обязательствам, то есть те, которые были объявлены незаконными Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН¹⁶⁶.

¹⁶¹ Имеется в виду насилие в отношении израильских гражданских лиц, исходящее из Сектора Газа и Западного Берега реки Иордан, находящихся под контролем Египта и Иордании соответственно, в период между заключением Соглашений о перемирии в 1949 году и Шестидневной войной 1967 года.

См: Benny Morris, *The Birth of the Palestinian Refugee Problem Revisited*, Cambridge University Press, Cambridge, England, 2004

¹⁶² Состоявшийся 16-18 мая по требованию Египта вывод с Синая чрезвычайных вооружённых сил ООН, разделявших стороны после вооруженного конфликта 1956 года. См: Samir A. Mutawi (18 July 2002). *Jordan in the 1967 War*. Cambridge University Press. p. 93.

¹⁶³ John Quigley, *The Six-Day War and Israeli Self-Defense: Questioning the Legal Basis for Preventive War*, Cambridge University Press, 2013, p. 32.

¹⁶⁴ См: *Ibid.*; *The Six Day War 1967: Jordan and Syria*. Simon Dunstan. Bloomsbury Publishing. 20 February 2013;

¹⁶⁵ Press Release, Security Council, Secretary-General Tells Security Council Middle East Crisis 'Worst in Ten Years'; Calls on Palestinians, Israelis to 'Lead Your Peoples Away From Disaster,' U.N. Doc. SC/7325 (March 12, 2002).

¹⁶⁶ Frederic Eckhard, Letter to the Editor, A Delicate Word in the Mideast, NY TIMES, March 23, 2002

Резолюции Совета Безопасности ООН в основном содержат призывы к прекращению огня, а так же осуждение проводимых Израилем военных операций, и нарушений положений IV Женевской конвенции, допускаемых Израилем¹⁶⁷. Генеральной Ассамблеей ООН также начиная с 1967 года был принят ряд резолюций, призывающих Израиль не менять статус Иерусалима¹⁶⁸, создать специальный комитет по расследованию израильской практики, затрагивающей права палестинского народа и выполнять его рекомендации¹⁶⁹, создать комитет по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа¹⁷⁰, осудить «нарушение прав человека и основных свобод» Израилем на оккупированных территориях¹⁷¹, провозгласить неоспоримый суверенитет оккупированных арабских государств над их природными ресурсами¹⁷², признать право палестинского народа на восстановление своих прав¹⁷³.

¹⁶⁷ См. Резолюция 450 принятая Советом Безопасности 14 июня 1979; 41) Резолюция 452 принятая Советом Безопасности 20 июля 1979 Резолюция 465 принятая Советом Безопасности 1 марта 1980; Резолюция 467 принятая Советом Безопасности 24 апреля 1980; Резолюция 468 принятая Советом Безопасности 8 мая 1980; Резолюция 471 принятая Советом Безопасности 5 июня 1980; Резолюция 592 принятая Советом Безопасности 8 декабря 1986; Резолюция 641 принятая Советом Безопасности 30 августа 1989. (всего резолюций Совбеза по Израильско-Палестинскому вопросу около 200)

¹⁶⁸ Резолюция 2253 (ES-V), принятая Генеральной Ассамблеей 4 июля 1965;

¹⁶⁹ Резолюция 2443, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 1968; Резолюция 2727, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1970; Резолюция 2728, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1970; Резолюция 2851, принятая Генеральной Ассамблеей 20 декабря 1971; Резолюция 3005, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1972; Резолюция 3240, принятая Генеральной Ассамблеей 29 ноября 1974; Резолюция 3525, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1975; Резолюция 31/106, принятая Генеральной Ассамблеей 16 декабря 1976; Резолюция 32/91; принятая Генеральной Ассамблеей 13 декабря 1977; Резолюция 33/113, принятая Генеральной Ассамблеей 18 декабря 1978; Резолюция 34/90, принятая Генеральной Ассамблеей 12 декабря 1979; Резолюция 35/122, принятая Генеральной Ассамблеей 5 декабря 1980; Резолюция 36/147, принятая Генеральной Ассамблеей 16 декабря 1981; Резолюция 37/88, принятая Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1982; Резолюция 38/79, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1983; Резолюция 39/95, принятая Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1984; Резолюция 41/63, принятая Генеральной Ассамблеей 3 декабря 1986; Резолюция 43/58, принятая Генеральной Ассамблеей 6 декабря 1988.

¹⁷⁰ Резолюция 3376, принятая Генеральной Ассамблеей 10 ноября 1975.

¹⁷¹ Резолюция 2546, принятая Генеральной Ассамблеей 11 декабря 1969.

¹⁷² Резолюция 3336, принятая Генеральной Ассамблеей 17 декабря 1974; Резолюция 3516, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1975 года; Резолюция 31/186, принятая Генеральной Ассамблеей 21 декабря 1976; Резолюция 32/161, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 1977; Резолюция 34/136, принятая Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1979; Резолюция 36/173, принятая Генеральной Ассамблеей 17 декабря 1981; Резолюция 37/135, принятая Генеральной Ассамблеей 17 декабря 1982; Резолюция 38/144, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 1983; Резолюция 66/225, принятая Генеральной Ассамблеей 22 декабря 2011.

¹⁷³ Резолюция 3236, принятая Генеральной Ассамблеей 22 ноября 1974; Резолюция 31/20, принятая Генеральной Ассамблеей 24 ноября 1976; Резолюция 32/40, принятая Генеральной Ассамблеей 2 декабря 1977.

В связи с ситуацией, сложившейся на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим и сектор Газа, отдельно следует отметить, что постоянный характер оккупации до определенной степени размывает различие между ситуациями «оккупация» и «аннексия». Различие между оккупацией и аннексией можно провести не только по временному критерию (продолжительность), но и по природе административных действий, осуществляемых оккупационной властью. В соответствии с «правом оккупации»¹⁷⁴, оккупирующая держава должна назначить «военного командующего» - фактического администратора оккупированной территории. Двойственная природа власти «военной администрации» заключается в том, что, с одной стороны, она является частью исполнительной власти и легитимируется внутренним законодательством оккупирующего государства, а с другой, с точки зрения международного права, легитимность власти обеспечивается нормами «права оккупации».

Интересным представляется и следующее событие. В 2002 году Израиль начал строить стену на Западном берегу. Помимо бетонных стен, строительство барьера включало заборы, канавы, бритвенные проволоки, ухоженные песчаные дорожки, электронные системы мониторинга, патрульные дороги и буферные зоны¹⁷⁵. Согласно позиции Израиля, стена необходима для предотвращения нападений как на территории самого Израиля, так и на израильские поселения палестинскими боевиками, пересекающими Западный берег. Общая длина стены составляет около 700 километров. Только 15 процентов стены построено на территории самого Израиля или на Зеленой Линии¹⁷⁶, которая отделяет территорию Израиля и

¹⁷⁴ Под «правом оккупации» или «оккупационным правом» здесь и далее подразумевается перевод термина «Law of occupation», который используется в англо-американской доктрине и включает в себя весь объем норм, применяемых в период оккупации. См: Eyal Benvenisti, *The International Law of Occupation*, Princeton University Press, 2004; Christine Chinkin, *Laws of occupation*, in: *Conference on Multilateralism and International Law with Western Sahara as a case study hosted by the South African Department of Foreign Affairs and the University of Pretoria*, 4 - 5 December 2008, Pretoria, South Africa.

¹⁷⁵ Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (ОСНА), *The Humanitarian Impact of the Barrier*, Fact-sheet, July 2013.

¹⁷⁶ Зелёная Линия – демаркационная линия после окончания Арабо-израильской войны 1948—1949 годов между Израилем, с одной стороны, и Ливаном, Сирией, Иорданией, в соответствии с Соглашениями о перемирии 1949 года.

Западный берег и которая является международно признанной границей. 85 процентов маршрута находится на оккупированном Западном берегу¹⁷⁷.

9 сентября 2003 года члены Лиги арабских государств потребовали созыва заседания Совета Безопасности ООН для изучения «серьезных и продолжающихся нарушений Израилем международного права и принятия требуемых мер»¹⁷⁸. К письму был приложен проект резолюции СБ ООН, осуждающий возведение стены на палестинской территории по плану, отступающему от линии перемирия 1949 года, который был отклонен. А в декабре 2003 года Генеральная Ассамблея ООН запросила консультативное заключение Международного Суда ООН (ICJ) относительно «правовых последствий, связанных со строительством стены, построенной Израилем, оккупирующей державой, на оккупированной палестинской территории, включающей и окружающей Восточный Иерусалим»¹⁷⁹.

9 июля 2004 года Международный Суд ООН вынес консультативное заключение, признающее «строительство стены и введение связанного с нею режима противоречащим международному праву»¹⁸⁰. Кроме того, Суд постановил, что Израиль обязан возместить весь ущерб, причиненный строительством стены; прекратить работы по строительству стены, произвести возмещение за причиненный этим строительством ущерб, а также призвал все государства не оказывать помощь или поддержку для сохранения этой ситуации, возникшей в результате строительства стены.

Судом также было отмечено, что в результате строительства стены и связанной с этим политики, палестинцы понесли значительные экономические трудности, в частности строительство стены нарушает

¹⁷⁷ B'tselem, The Separation Barrier, 1 January 2011, available at http://www.btselem.org/separation_barrier/map

¹⁷⁸ Письмо постоянного представителя Сирии при ООН Генеральному секретарю ООН // S/2003/973, 09.10.2003.

¹⁷⁹ UNGA, Res ES-10/14 (2003)

¹⁸⁰ Марко Сассоли; Антуан Бувье, «Правовая защита во время войны. Прецеденты, документы и учебные материалы, относящиеся к современной практике международного гуманитарного права» том 3, МККК, Москва, 2008, Стр. 231. «Разделительная стена» - термин, используемый палестинцами, «Ограждение безопасности» - термин, используемый израильянами. Рачков И.В. Консультативное заключение Международного Суда ООН о правовых последствиях возведения стены на оккупированной палестинской территории // Международное публичное и частное право, 2005, N 1

защиту частной собственности, поскольку стена в основном строится на территории находящейся в собственности частных лиц и ее постройка связана с конфискацией или уничтожением частного имущества¹⁸¹. Также можно говорить, что ущерб, причиненный в результате возведения стены состоит в том, что ограничивает доступ к сельскохозяйственным угодьям¹⁸².

Отдельно заметим, что нарушения прав человека со стороны израильских сил на оккупированных палестинских территориях связаны со сносом домов и принудительным выселением палестинских семей, карательными арестами, несправедливыми судебными разбирательствами, жестоким обращением и пытками заключенных, а также использованием чрезмерной силы для насильственного подавления демонстраций¹⁸³. Израиль также продолжает расширять поселения и использовать существенные ограничения на передвижение палестинцев с помощью примерно 600 блокпостов и контрольно-пропускных пунктов¹⁸⁴.

Параллельно с судебным разбирательством в МС ООН палестинцы, чьи права были нарушены строительством стены, искали правовой защиты в Верховном Суде Израиля (Supreme Court of Israel). В частности, дело касалось участка стены на Западном берегу, возведенного вокруг поселения Альфей Менаше в период с 2002 по 2003 годы. В деле «Мара абе и другие против премьер-министра Израиля и других»¹⁸⁵ заявители - жители пяти палестинских деревень, которые окружала стена - ходатайствовали об устранении стены. Элиав Либлич, в отношении строительства стены также отмечает, что законодательный орган Израиля принял правовой акт, в соответствии с которым военный командующий Западным Берегом наделяется правом изымать, в определённых случаях, частные палестинские

¹⁸¹ ICCPR, arts 12, 17; ICESCR, arts 6, 11, 12, 13; Wall advisory opinion, supra, note 9, para 134.

¹⁸² Fourth Geneva Convention, art 49; Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, ICJ Reports, 2004, note 9, paras 122, 133.

¹⁸³ Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory of 9 July 2004 (Консультативное заключение Международного Суда относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории) <http://www.icj-cij.org/en/case/131>

¹⁸⁴ См: Israeli checkpoints continue restricting Palestinian movement – UN report, 27 May 2009

¹⁸⁵ Mara'abe et al. v Prime Minister of Israel et al., H.C.J. 7957/04, 15 September 2005

земли, занятые еврейскими переселенцами и устанавливать законность такого занятия¹⁸⁶.

Перед Верховным Судом были поставлены следующие вопросы: во-первых, соответствует ли строительство стены внутреннему национальному праву Израиля; во-вторых, имеет ли военная администрация, ответственная за возведение стены, достаточные полномочия для осуществления строительства; и в-третьих, Суд Израиля должен был оценить влияние Консультативного заключения Международного Суда ООН «на стандарты и национальное регулирование»¹⁸⁷.

По первому вопросу Израильский суд подтвердил, что действия Израиля на Западном берегу регулируются положениями «оккупационного права», как обычного международного права. И соответственно, Израиль не обладает суверенитетом на Западном берегу, так как Западный берег не является частью Израиля, а международное право запрещает аннексию оккупированной территории¹⁸⁸. По второму вопросу Суд Израиля заявил, что военная администрация Западного берега имеет право принимать решение о возведении ограждения, но только в случае необходимости для обеспечения безопасности или исходя из военных соображений. При этом соображения безопасности или военные соображения должны быть соразмерны нарушению прав палестинцев. В случае возведения стены воздействие на повседневную жизнь жителей палестинских деревень было настолько серьезным, что альтернативные варианты следовало бы рассмотреть, а этого не было сделано. Также было отмечено, что только те части стены, которые наносят непропорциональный ущерб палестинским жителям, должны были бы быть объявлены незаконными, и в этих случаях израильское правительство должно было бы разработать альтернативный маршрут¹⁸⁹. В

¹⁸⁶ Eliav Lieblich - Symposium on Occupation Law: The Normative and Functional Approaches to Occupation: A Response to Aeyal Gross, *Opinio Juris*, 2017

¹⁸⁷ *Ibid*

¹⁸⁸ *Mara'abe et al. v Prime Minister of Israel et al.*, H.C.J. 7957/04, 15 September 2005, note 3, paras 14, 22

¹⁸⁹ *Mara'abe et al. v Prime Minister of Israel et al.*, H.C.J. 7957/04, note 3;

отношении третьего вопроса Суд отметил, что значение Консультативного заключения МС ООН должно быть принято во внимание, так как ответить на вопрос о правомерности строительства стены невозможно без оценки норм международного гуманитарного права и норм общего международного права¹⁹⁰. Верховный Суд Израиля отдельно отметил, что защита израильских поселенцев, в качестве оправдания строительства стены, противоречит нормам международного права¹⁹¹.

Как отмечает Орли Рахимиловиц, существует, по крайней мере, три контекста, в которых Верховный Суд Израиля (Supreme Court of Israel) пытался решить вопрос с имущественными правами палестинцев: разрушение домов, изъятие собственности отсутствующих лиц и законность поселений. Как отмечает Верховный Суд, законность всей этой практики в соответствии с национальным правом Израиля, а также соответствие нормам международного права вызывает сомнение, однако данные действия по-прежнему осуществляются правительством Израиля¹⁹². Верховный Суд также призвал пересмотреть вопрос о сносе домов палестинцев, которые совершили (или подозреваются в совершении) террористические акты против израильтян. Суд привел следующие аргументы в обоснование своей позиции: неэффективность данной меры в качестве сдерживающего фактора; отрицание человеческого достоинства домовладельцев; запрещение подобного рода возмездия нормами международного права¹⁹³.

Также следует отметить, что в отношении конфликта в секторе Газа в 2014 году среди юристов возникли дискуссии, по вопросу, который обсуждался в израильском парламенте, о прекращении поставки воды и электричества, поскольку сектор Газа не является оккупированной территорией. Элиав Либич считает, что такого рода действия были бы

¹⁹⁰ Alfei Menashe Local Council v Government of Israel, HCJ 10309/06, 29.8.2007

¹⁹¹ См: A-Ram Local Council v Government of Israel, HCJ 5488/04, 13.12.2006

¹⁹² Orly Rachmilovitz, Palestinian Property Rights in the Shadow of Occupation, June 06, 2016, <http://versa.cardozo.yu.edu/viewpoints/palestinian-property-rights-shadow-occupation>

¹⁹³ HCJ 5931/06, Hussein v. Cohen, Decided: April 15, 2015, <http://versa.cardozo.yu.edu/opinions/hussein-v-cohen>

незаконными: фактически, сектор Газа (почти) полностью зависит от Израиля из-за его электроснабжения, отчасти потому, что только Израиль контролировал территорию около сорока лет; контроль за поставками электроэнергии является государственной функцией и, следовательно, в отношении этой конкретной государственной функции, Израиль должен обладать положительными обязательствами в свете «оккупационного права»¹⁹⁴.

Отдельно заметим, что правонарушения совершаются и в районах, находящихся под контролем Палестинского национального совета¹⁹⁵, проблемы нарушения норм международного права в основном связаны с чрезмерным применением силы, произведением произвольных арестов, жестоким обращением, пытками и использованием административного задержания для заключения в тюрьму лиц без предъявления обвинений или судебного разбирательства. Некоторые задержанные не получают адекватной медицинской помощи¹⁹⁶.

На основании сказанного можно прийти к выводу, что Израиль осуществляет оккупацию Западного берега Иордана, Сектора Газа, Голанских высот и Восточного Иерусалима. Данная ситуация, как и ранее рассмотренная ситуация на Кипре, признается оккупацией со стороны международного сообщества, о чем неоднократно говорил и Совет Безопасности ООН, и Генеральная Ассамблея, и Международный Суд ООН.

Более того, оценка данной ситуации нашла свое отражение в практике Верховного Суда Израиля, который также отметил нарушения, связанные с тем, что недвижимость, расположенная в Восточном Иерусалиме, и владельцы которой - резиденты Западного берега, является «собственностью отсутствующих лиц» (absentee properties), и, таким образом, право

¹⁹⁴ Eliav Lieblch - Symposium on Occupation Law: The Normative and Functional Approaches to Occupation: A Response to Ayal Gross, *Opinio Juris*, 2017

¹⁹⁵ Mohsen Moh'd Saleh, *On the Experience of the Palestinian Liberation Organization*, 2012, URL: http://www.palestinechronicle.com/old/view_article_details.php?id=19655

¹⁹⁶ Report of a field assessment of health conditions in the occupied Palestinian territory – WHO, February 2016

собственности не предоставляются ее хранителю (Custodian of Absentee Properties). Особенность судебной защиты в данной ситуации связана с тем, что не только международный орган правосудия в своем Консультативном заключении дал экспертную оценку сложившейся ситуации, но и высший судебный орган оккупирующего государства в своем решении оценил ситуацию с точки зрения нарушения норм международного права, использовав в своей аргументации выводы и позиции Международного Суда ООН.

2.3. Вопросы защиты права собственности в период оккупации Ирака в 2003 - 2011 годах.

Говоря об оккупации Ирака, необходимо кратко затронуть её предпосылки. Отправной точкой конфликта явилась «Война в Персидском заливе» (Persian Gulf War). Иракское вторжение в Кувейт 2 августа 1990 года вызвало резко негативную реакцию мирового сообщества, Совет Безопасности ООН осудил действия Ирака потребовав незамедлительного отвода вооружённых сил¹⁹⁷, а уже 29 ноября уполномочил государства использовать для этого «все необходимые средства», в случае, если Ирак к 15-му января не выполнит выдвинутые ранее требования¹⁹⁸. Резолюции Совета Безопасности были проигнорированы, и уже 17 января многонациональные силы начали против Ирака военную операцию «Буря в пустыне»¹⁹⁹, завершившуюся поражением Ирака.

Организация Объединённых Наций ввела экономические санкции против Ирака²⁰⁰, для того, чтобы препятствовать развитию смертоносных программ вооружений, в том числе по разработке ядерного, биологического и химического оружия. Инспекции Организации Объединённых Наций в середине 1990-х годов выявили множество запрещённых видов оружия и запретили технологию на всей территории Ирака²⁰¹.

Продолжающиеся нарушения Ираком запрета на разработку оружия и неоднократное вмешательство в действия инспекции ООН привели к тому, что в 1998 году президент США Билл Клинтон, отдал приказ осуществить бомбардировку нескольких иракских военных объектов²⁰², однако эти

¹⁹⁷ Resolution 660

¹⁹⁸ Resolution 678

¹⁹⁹ Operation Desert Storm: Early Performance Assessment of Bradley and Abrams, NSIAD-92-94: Published: Jan 10, 1992. Publicly Released: Jan 10, 1992.

²⁰⁰ Peter Wallensteen, Carina Staibano, Mikael Eriksson, The 2004 Roundtable on UN Sanctions against Iraq: Lessons Learned, p.5-6; Резолюции Совета Безопасности: 661, 665, 670, 678.

²⁰¹ "UNMOVIC Chronology of Events". The United Nations. <https://www.un.org/Depts/unscom/Chronology/chronologyframe.htm>

²⁰² Операция «Лиса пустыни» (Operation Desert Fox); см: James Crabtree, Desert Fox 1998: A Short Memoir Of An Even Shorter War, Jimmy Sinai Books, 9 January 2016

действия не привели к желаемому результату - Ирак по-прежнему не предоставлял доступ инспекторам ООН.

Резолюция Совета Безопасности ООН от 8 ноября 2002 года, потребовала, чтобы Ирак предоставил доступ инспекторам и соблюдал все предыдущие резолюции²⁰³. В январе 2003 года инспекторы по вооружениям Организации Объединенных Наций сообщили, что Ирак предпринимает усилия, но инициативы, предпринятые иракской стороной в течение трех-четырёх месяцев с принятия Резолюции Совета Безопасности ООН 1441, не могут считаться «немедленным» сотрудничеством²⁰⁴. Мнения о том, как повлиять на разоружение Ирака разделились, некоторые государства (Россия, Франция, Германия) считали, что время для военных действий не наступило. Они настаивали на более продолжительном времени и мирном разоружении Ирака, в то время, как другие настаивали на том, что Ирак не принял стратегического решения о разоружении, и что недавние меры в области разоружения произошли только в результате непосредственной угрозы военной силы. В итоге, 20 марта началась операция «Иракская свобода»²⁰⁵.

До начала проведения операции «Иракская свобода» в 2003 году, форма правления в Ираке представляла собой республику, в которой Высшим органом государственной власти являлся Совет революционного командования, председателем которого был Президент и верховный главнокомандующий вооруженными силами Республики Ирак. Парламентская власть в Республике была представлена Однопалатным национальным советом, при этом большинство парламентских мест принадлежало с 1968 года партии Арабского социалистического возрождения (Баас). К сожалению, деятельность политических элит Ирака сопровождалась политикой принудительного перемещения лиц, не арабской национальности. При реализации данной политики имели место такие

²⁰³ Resolution 1441

²⁰⁴ United Nations weapons inspectors report to Security Council on progress in disarmament of Iraq, SC/7682, 7 March 2003

²⁰⁵ Neville, Leigh, *Special Forces in the War on Terror (General Military)*, Osprey Publishing, 2015

действия как: конфискация имущества частных лиц, экспроприацией и уничтожением недвижимого имущества, а также предприятий, сельскохозяйственных угодий. Главные цели этой политики всегда были одинаковыми - шиитская, курдская, туркменская и ассирийская общины, воспринимались как противники, представляющие опасность для режима²⁰⁶.

В ходе обсуждений в Конгрессе США, предшествовавших операции «Иракская свобода», были высказаны мнения, что свержение режима Саддама Хусейна почти немедленно приведет к довольно серьезному возвращению тех, кто был перемещен с мест своего постоянного жительства²⁰⁷. Тем не менее, на практике эта задача оказалась значительно осложнена тем, что дома, земли и другая недвижимость возвращающихся переселенцев была занята другими лицами. Так, город Киркук, являющийся центром нефтяной промышленности на севере Ирака, представляет собой наиболее яркий пример «политики арабизации», где и существовала высокая вероятность конфликтов в случае, неконтролируемого возвращения переселенцев²⁰⁸.

В такой ситуации очевидна была необходимость создания механизма разрешения споров. Понимая серьёзность ситуации, Коалиционная временная администрация (Coalition Provisional Authority)²⁰⁹ в январе 2004 года постановила учредить специальную комиссию для рассмотрения и разрешения всех имущественных споров (Iraq Property Claims Commission (IPCC)). После передачи власти Коалиционной временной администрацией Временному правительству Ирака²¹⁰ (Iraqi Interim Government) 28 июня 2004, Переходная Национальная Ассамблея Ирака (Iraqi Transitional National Assembly), представляющая собой парламентский орган, в начале 2006 года

²⁰⁶ Peter Van der Auweraert, Property Restitution in Iraq, Presentation at the Symposium on Post-Conflict Property Restitution, 2007, p.2

²⁰⁷ Ibid

²⁰⁸ Ibid p.3

²⁰⁹ См: James Dobbins, Seth G. Jones, Benjamin Runkle, Siddharth Mohandas, Occupying Iraq a history of the coalition provisional authority, RAND Corporation, 2009

²¹⁰ Временное правительство Ирака было создано Соединенными Штатами и их союзниками по коалиции в качестве для управления Ираком до разработки новой конституции.

приняла решение заменить IPCC Комиссией по разрешению споров в отношении недвижимого имущества²¹¹ (Commission for the Resolution of Real Property Disputes (CRRPD)). CRRPD действовала на основании статута²¹² в соответствии с которым ее деятельность направлена на устранение случаев противоправного лишения или случаев нарушения прав на недвижимое имущество, которые связаны или происходят в результате политики режима баасистов с 17 июля 1968 года по 9 апреля 2003 года, в частности, произвольных и принудительное удаление ни в чем не повинных гражданских лиц²¹³.

CRRPD содержит относительно сложные правила в отношении средств правовой защиты. В этом отношении существует ряд различных сценариев. Жертвы нарушений прав собственности имеют право на реституцию своего имущества, если имущество все еще находится в руках иракского государства или «любого, кто воспользовался своими полномочиями». Во всех других случаях - то есть случаях, когда одна или несколько продаж или передача имущества произошли после незаконной экспроприации ареста - жертвы будут иметь возможность запросить либо реституцию, либо выплату компенсации.

CRRPD компетентен в отношении трех типов нарушений прав на землю и иную движимую и недвижимую собственность: во-первых, конфискация или изъятие имущества по «политическим, религиозным или этническим причинам» или по отношению к «этническому, сектантскому или националистическому перемещению»²¹⁴; во-вторых, присвоение или изъятие имущества без рассмотрения с явной несправедливостью или с нарушением применимых правовых норм²¹⁵; и в-третьих, государственная собственность, выделенная (предоставленная) членам предыдущего режима без

²¹¹ Statute of the Commission for the Resolution of Real Property Disputes, Order No. (2) of the year 2006

²¹² Ibid.

²¹³ Property Restitution and compensation, Practices and Experiences of Claims Programmes, International Organization for Migration, 2008, p.21

²¹⁴ Ibid, art. 4, I

²¹⁵ Ibid, art. 4, II

рассмотрения²¹⁶. CRPD не компетентна предоставлять компенсацию за уничтожение имущества. В то время как жертвы, чьи дома или предприятия были разрушены, могут вернуть землю, на которой раньше стояла разрушенная собственность, если они не получают компенсации за ущерб, причиненный самим уничтожением.

Эйяль Бенвенисти отмечает, что оккупанты Ирака, Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство и «партнеры по коалиции» явно не признали свой статус оккупирующей державы и не ссылались на положения Гаагских конвенций или Женевскую конвенцию IV. Вместо этого они заявили о своей миссии в Ираке²¹⁷. В письме постоянных представителей Соединенного Королевства и Соединенных Штатов при Организации Объединенных Наций к председателю Совета Безопасности от 8 мая 2003 года²¹⁸ говорится об их обещании «строго соблюдать свои обязательства по международному праву, в том числе касающиеся основных гуманитарных потребностей народа Ирака», и излагаются конкретные цели и механизмы их достижения. США и Великобритания взяли на себя обязательство «действовать для обеспечения защиты иракской нефти и использования ее в интересах иракского народа».

Режим Саддама Хусейна обвинялся также во многих очень серьезных преступлениях, которые были связаны с систематическими и широко распространенными применениями пыток, «исчезновением» людей (пропавшие без вести), осуществлением «произвольного правосудия», а также актами «внесудебных убийств». Министр иностранных дел Великобритании Джек Стро, высказывался за то чтобы иракский народ самостоятельно осуществлял правосудие, и заявлял о необходимости помочь в создании новой судебной системы, на основе ранее существовавшей: «они не имели эффективной системы правосудия в течение 24-х лет правления

²¹⁶ Ibid, art. 4, III

²¹⁷ Eyal Benvenisti, The Security Council and The Law on Occupation: Resolution 1483 on Iraq in Historical Perspective, ReserchGate, 02 December 2014, p.25

²¹⁸ Document numbered S/2003/538.

Саддама Хусейна, но исторически Ирак имел достаточно хорошо функционирующую и справедливую судебную систему»²¹⁹.

Пьер-Ричард Проспер, посол США по вопросам военных преступлений (The United States Ambassador-at-Large for War Crimes Issues) придерживался позиции, что дела обвиняемых в военных преступлениях против американских войск в последние недели или во время войны в Персидском заливе, должны быть рассмотрены военными трибуналами или гражданскими судами в Америке, в то время, как преступления против кувейтцев и иранцев должны рассматриваться национальными судами соответствующих государств. Что касается преступлений Саддама, он считает, что сами иракцы должны взять на себя инициативу и что их бывшего президента и его приспешников следует судить в самом Ираке²²⁰.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что ситуацию, сложившуюся в Республике Ирак после проведения операции «Иракская свобода» и до 2011 года, можно считать оккупацией, хотя данная ситуация и не была признана таковой Организацией Объединенных Наций. Она имела и еще ряд особенностей, по сравнению с двумя рассмотренными ранее. Во-первых, оккупация действительно носила временный характер, во-вторых, оккупанты не нарушали права собственности граждан Ирака, подобного рода действия совершались законным правительством Республики Ирак в отношении своих граждан не арабского происхождения, и, в-третьих, США, осуществляя администрирование данной территории, стремились организовать систему судебной защиты прав человека, включая и право собственности. Также они полагали, что основным последствием падения внутреннего режима должно стать «разгосударствление» национальной экономики, в частности, необходимо использовать ресурсы, находящиеся в государственной собственности, на благо местного населения.

Резюмируя вышеизложенное, автор пришел к следующим выводам:

²¹⁹ HC Deb 28 April 2003, cc32-3.

²²⁰ Daily Telegraph, 21 April 2003.

- Рядом исследователей отмечается, что международное признание (признание мировым сообществом и со стороны международных организаций) для квалификации ситуации оккупации является одним из значимых критериев. Однако, по нашему мнению, квалификация ситуации, данная например, Советом Безопасности ООН, конечно, придает статусу территории более определенный характер, но все же не считается основным критерием таковой. Это связано с тем, что ситуация уже может существовать и она безусловно требует оценки международными институтами в будущем, но отсутствие признания не может лишить оккупируемое государство проявления ответственности со стороны оккупирующего государства, гарантированного нормами «оккупационного права».
- В настоящий момент можно говорить о сложившейся норме международного права, в соответствии с которой оккупация не меняет статуса оккупированной территории, и как следствие - правило о том, что оккупирующее государство в принципе обязано уважать государственную и частную собственность, находящуюся на оккупированной территории. Однако формы нарушения права собственности меняются в соответствии с экономическими «предпочтениями» оккупирующего государства. Так, например, оккупирующее государство сознательно допускает ситуации, которые позволяют изменение собственника, путем переселения части населения на оккупированные территории или продаже «спорной» собственности добросовестному приобретателю, при этом не обеспечивая никого из указанных участников правоотношений достойной судебной защитой. Однако в иных случаях оккупационный режим напротив заинтересован в распространении режима защиты права собственности на оккупированные территории, включая судебную защиту. Это связано с целью оккупации, методами ее осуществления и отношения к ценности собственности в рамках своего национального правопорядка.

- Одним из самых эффективных методов защиты права собственности в настоящий момент следует признать судебную защиту, осуществляемую как органами национального, так и международного правосудия. Национальные суды, как в случае с Израилем и США, так и международные, как в случае с Международным Судом ООН и Европейским Судом по правам человека, остаются независимыми от влияния национальных государственных «интересов» оккупирующего государства. И более того судебское усмотрение является неотъемлемой составляющей современного процесса отправления международного правосудия, так как решение спора все реже становится «выведено» из норм и принципов международного права посредством применения логических методов, и все более чаще - правовые позиции обусловлены «судейским активизмом», как это ярко проявляется в практике ЕСПЧ.

Заключение

На основании проведенного исследования автор пришел к следующим выводам:

1. Вопрос о порядке регулирования защиты собственности в период оккупации был поставлен уже в начале XVIII века, когда еще существовала обычная практика пополнять запасы армии, забирая продовольствие и иной провиант у населения, находящегося на территории базирования вооруженных сил. С ростом профессионализма и развития материальной стороны обеспечения армии выяснилось, что наилучших результатов можно достичь путем оплаты или обещания оплаты, даже если сделка совершалась по принуждению. С ростом торгового оборота в науке и практике сложились подходы, которые объясняли, что зависимость от торговли создает предпосылки для наличия возможности по окончании войны вернуть себе денежную стоимость имущества отданного армии победителя, по предъявлении соответствующих расписок своему правительству. И уже в XIX веке между правоведами и военачальниками государств континентальной Европы, с одной стороны, и их британскими и американскими коллегами, с другой стороны, открылась дискуссия относительно возможности, необходимости, целесообразности, экономической выгоды, методах и формах защиты права собственности как в период военной оккупации, так и в послеоккупационный период. Эта дискуссия была осложнена тем, что уже сформировались концепция «нация в военной форме» и понятия «эксплуатация территории» и «пределы военной необходимости». Основной смысл спора между «континентальными» и «англо-саксонскими» юристами и практиками остается актуальным и по настоящее время, хотя сегодня и сместились некоторые географические границы обозначенных подходов. «Континентальные» авторы обвиняли «англо-саксонский» стиль ведения войны в попрании принципа

неприкосновенности гражданского населения не за то, что происходило с гражданской собственностью, а за то, что происходило с гражданскими лицам, и наоборот - «англо-саксонские» авторы отвечали тем, что они делают только то, что и должно происходить в условиях войны - ликвидация противника. Таким образом, можно говорить, что излишнее нарушение права собственности как в ходе вооруженного конфликта, так и в ситуации оккупации никогда не было присуще англо-саксонцам с точки зрения тактики ведения войны (вооруженного конфликта).

2. Наука и практика межгосударственного общения дала однозначный отрицательный ответ а вопрос о возможности обладания оккупационной властью суверенными полномочиями. Однако, в связи с изменяющимися оккупационными практиками в свете защиты права собственности, XX век поставил ряд очень сложных вопросов относительно объема властных полномочий оккупирующего государства, четких ответов на которые и в настоящее время пока нет. В частности, речь идет о следующих ситуациях оккупации: во-первых, оккупация Советским Союзом части Германии в 1945 после окончания Второй мировой войны, на основании «Декларации о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии Правительствами СССР, Соединенного Королевства и США и Временным Правительством Французской Республики», и во-вторых, оккупация СССР Австрии, на основании «Соглашения об оккупационных зонах в Австрии и управлением городом Вена» от 9 июля 1945, и об ответе на вопрос - имеет ли право оккупирующая держава распространять на оккупированные территории основанные на национальном законодательстве представлениями о типе экономической системы государства. Также можно говорить о проблеме, связанной с размыванием основного критерия оккупации - ее временного характера, и здесь следует говорить об оккупации северной части Республики Кипр Турцией, началом которой считается день проведения военной операции 21 июля 1974 года, а значит, 37% территории Республики Кипр является

оккупированной на протяжении практически 44-х лет, а так же о продолжающейся более 50-ти лет ситуации в Палестине, где под контролем Израиля с 1967 года находятся Западный берег, включая Восточный Иерусалим и сектор Газа.

3. Проблема защиты права собственности в период оккупации не может быть рассмотрена иначе как в свете действующих и обеспечивающих ее защиту международных и национальных механизмов и институтов. В настоящий момент к одним из самых эффективно действующим можно отнести органы национального и международного правосудия, при этом количественный рост последних является состоявшимся фактом и особенностью современного развития международного права. Данный тезис подтверждается примерами судебной практики и практикой реализации принятых решений. В случае с национальными механизмами судебной защиты, речь идет о деятельности военных комиссий, созданных в период американо-мексиканской войны 1846-1847, юрисдикция которых распространялась не только на военнослужащих армии США, но и на граждан Мексики; практики Верховного Суда Израиля по поводу нарушения последним прав собственности частных лиц на территории Западного берега, вызванные строительством стены; а также деятельности Комиссии по разрешению споров в отношении недвижимого имущества, созданной в Ираке в период оккупации его территории США. В этом случае особенностью является то, что правосудие осуществляли судебные органы оккупирующего государства или созданные по инициативе оккупирующего государства. В случае с международными механизмами судебной защиты, речь идет о Европейском Суде по правам человека, созданном на основании Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Наиболее наглядным примером является защита ЕСПЧ прав собственности частных лиц на объекты недвижимости, расположенные на оккупированной Турцией части Кипра.

Список использованной литературы

- 1) Alwyn V. Freeman, War crimes by enemy nationals administering justice in occupied territory // American Journal of International Law, 41, 1947;
- 2) Arnold Hermann Ludwig von Heeren, A Manual of the History of the Political System of Europe // London: Bohn, 1873;
- 3) Benjamin Rubin, Israel, Occupied Territories // MPEPIL, 2009;
- 4) Benny Morris, The Birth of the Palestinian Refugee Problem Revisited, Cambridge University Press // Cambridge, England, 2004;
- 5) Carl Schmitt, The Nomos of the Earth // New York, NY: Telos, 2003;
- 6) Charles E. Magoon, Report on the Law of Civil Government in Territory Subject to Military Occupation by the Forces of the United States // Washington, DC: War Department, 1903;
- 7) Charles Rousseau, Le Droit des conflits armés // Éditions A. Pédone, 1983;
- 8) Charles de Visscher, L'occupation de guerre // Law Quarterly Review, 34 1918;
- 9) Chris Hann, Paul R. Magocsi. Galicia: Multicultural Land // Toronto: University of Toronto Press. 2005;
- 10) Czeslaw Madajczyk, Die Besatzungssysteme der Achsenmächte // Studia Historicae Oeconomicae, 14, 1980;
- 11) Derek Croxton, The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // 21 International History Review, 1999;

- 12) Doris A. Graber, *The Development of the Law of Belligerent Occupation 1863–1914* // New York, NY: AMS Press, 1949;
- 13) Edmund Schwenk, *Legislative power of the military occupant under Article 43, Hague Regulations* // *Yale Law Journal*, 54, 1945;
- 14) Einwitschläger A. *Amerikanische Wirtschaftspolitik in Österreich 1945–1949* // Wien. 1986;
- 15) Eliav Lieblich - *Symposium on Occupation Law: The Normative and Functional Approaches to Occupation: A Response to Aeyal Gross* // *Opinio Juris*, 2017;
- 16) Eyal Benvenisti, *The International Law of Occupation: Edition 2* // Oxford University. Press, 2012;
- 17) Feilchenfeld, *The International Economic Law of Belligerent Occupation* // Volume 6 of Monograph series of the Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law, 1942;
- 18) Felice Morgenstein, *Validity of the acts of the belligerent occupant* // *British Yearbook of International Law*, 28, 1951;
- 19) François Hotman, *Francogallia*, Latin text by Ralph Giesey, trans. J. H. M. Salmon // Cambridge: Cambridge University Press, 1972;
- 20) Frederic Eckhard, *Letter to the Editor, A Delicate Word in the Mideast* // *NY TIMES*, March 23, 2002;
- 21) Franz Neumann, *Behemoth* // London: Gollancz, 1942
- 22) Fritz Fischer, *Germany's Aims in the First World War* // London: Chatto & Windus, 1967;

- 23) George Ginsburgs, A case study in the Soviet use of international force: Eastern Poland in 1939, *American Journal of International Law*, 52, 1958;
- 24) Great Britain, Parliament, *Correspondence Respecting the Brussels Conference on the Rules of Military Warfare* // London: House of Commons, 1875;
- 25) Gregory H. Fox, *The Occupation of Iraq* // 36 *GEO.J.INT'LL.*, 2005;
- 26) Halleck, H. W., *International law* // London, C. K. Paul & co., 1878;
- 27) Holdsworth W. S., *Martial law historically considered* // *Law Quarterly Review*, 18, 1902;
- 28) Hofmann, Rainer, *Annexation*, *Max Planck Encyclopedia of Public International Law* // Oxford University Press, 2013;
- 29) Irénée Lameire. *Théorie et Pratique de la Conquête dans l'Ancien Droit* // Paris: Rousseau, 1902;
- 30) James Dobbins, Seth G. Jones, Benjamin Runkle, Siddharth Mohandas, *Occupying Iraq a history of the coalition provisional authority*, RAND Corporation, 2009;
- 31) James Wilford Garner, *International Law and the World War*, vol. 2 // London: Longmans, 1920;
- 32) Jan H. W. Verzijl, *International Law in historical perspective* // Vol. IX-A 152, 1978;
- 33) Jean S. Pictet, *Commentary: Fourth Geneva Convention* // Geneva: ICRC, 1958;
- 34) John Herz, *Political Realism and Political Idealism*, Chicago // University of Chicago Press, 1951;
- 35) John Quigley, *The Six-Day War and Israeli Self-Defense: Questioning the Legal Basis for Preventive War* // Cambridge University Press, 2013;

- 36) John Westlake, *International Law, Part 2: War* // Cambridge: Cambridge University Press, 1907;
- 37) Joseph S.J., *Cyprus: Ethnic Conflict and International politics* // London, 1997;
- 38) Julian H. Franklin, *Jean Bodin and the Rise of Absolutist Theory* // Cambridge: Cambridge University Press, 1973;
- 39) Kontorovich E. *Unsettled: a global study of settlements in occupied territories* // Northwestern University School of Law Public Law and Legal Theory Series. №16-20, 2016;
- 40) Ludwig von Köhler, *The Administration of the Occupied Territories, vol. 1 Belgium* // Washington, DC: Carnegie, 1942;
- 41) Letsas G. *Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer* // EJIL, 2010;
- 42) Michael Rapport, *Belgium under French occupation* // French History, 16, 2002;
- 43) Milovan Djilas, *Conversations with Stalin* // New York, NY: Harcourt, 1962;
- 44) Nehal Bhuta, *The Antinomies of Transformative Occupation* // The European Journal of International Law , 16, 2005;
- 45) Neville, Leigh, *Special Forces in the War on Terror (General Military)* // Osprey Publishing, 2015;
- 46) Nicolas Tarling, *A Sudden Rampage* // London: Hurst, 2001;

- 47) Nina Serafino, Curt Tarnoff, and Dick K. Nanto, U.S. Occupation Assistance: Iraq, Germany and Japan Compared // CRS Report for Congress, March 23, 2006;
- 48) Norman Bentwich, The legal administration of Palestine under the British military occupation // British Yearbook of International Law, 1, 1920;
- 49) Oppenheim L., The legal relations between an occupying power and the inhabitants // Law Quarterly Review, 33, 1917;
- 50) Pascal Daudin, «The Thirty Years War: The first modern war?» // The Humanitarian Law & Policy blog, 23 May 2017;
- 51) Paul Challine, Le droit international public dans la jurisprudence française de 1789 à 1848 // Paris : F. Loviton, 1934
- 52) Peter Van der Auweraert, Property Restitution in Iraq, Presentation at the Symposium on Post-Conflict Property Restitution, 2007;
- 53) Records of the Property Control Branch of the U.S. Allied Commission for Austria (USACA) section 1945–1950 // National Archives and Records Administration, Washington DC, 2010;
- 54) Richmond P. Oliver, Ethno-nationalism, sovereignty and negotiating positions in the Cyprus conflict - obstacles for settlement // Middle Eastern Studies., Vol 35, N 3, July 1999;
- 55) Rothwell, Donald; Kaye, Stuart; Akhtarkhavari, Afshin; Davis, Ruth, International Law: Cases and Materials with Australian Perspectives // Cambridge University Press, 2014;
- 56) Samir A. Mutawi, Jordan in the 1967 War // Cambridge University Press, 2002;
- 57) Sigmund Cybichowski, Die Besetzung Lembergs im Kriege 1914/15 // Niemeyers Zeitschrift für Internationales Recht, 26, 1916;
- 58) Schmidl, Erwin. Der “Anschluss” Österreichs: der Deutsche Einmarsch im März 1938 // Bonn: Bernard & Graefe, 1994;
- 59) Sevin Toluner, Kıbrıs Uyuşmazlığı ve Milletlerarası Hukuk // İstanbul: İstanbul Üniversitesi Yayınları, 1977;

- 60) Straumann, B. Peace of Westphalia (1648) as a Secular Constitution. Constellations // ILLJ, Vol. 15, No. 2, 2007;
- 61) Stephen A. Carney, The Occupation of Mexico - May 1846-July 1848 // Perennial Press, 2016;
- 62) Nisuke Ando, Surrender, Occupation, and Private Property in International Law // Oxford Monographs in International Law, 1991;
- 63) Toluner, Kıbrıs Uyuşmazlığı, s. 55. // Sedef Ergör, Avrupa Birliği'nin Kıbrıs Politikaları: Değişim mi Süreklilik mi, Başkent Üniversitesi, Ankara, 2011;
- 64) Ulvi Keser, Kıbrıs'ta Yeraltı Faaliyetleri ve Türk Mukavemet Teşkilatı, IQ Yayınları // İstanbul, Ocak 2007;
- 65) Yoji Akashi, Japanese military administration in Malaya // Asian Studies, 7, 1969;
- 66) Бредихин Олег Николаевич, Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития, Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. // Москва, 2006;
- 67) Горлова О.С. Денацификация Австрии после Второй мировой войны: По материалам советской оккупационной зоны. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. // Тамбов, 2004;
- 68) Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1945 гг.) // М., 1968;
- 69) Жукова Н.М., Кипрский вопрос в глобальной системе международных отношений // М., 2011;
- 70) Иванова И.И., Мейер М.С., Уразова Е.И., Республика Кипр // М., 1992;
- 71) Марко Сассоли; Антуан Бувье, «Правовая защита во время войны. Прецеденты, документы и учебные материалы, относящиеся к современной практике международного гуманитарного права» том 3 // МККК, Москва, 2008;
- 72) Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов // М. 1996;
- 73) Мартин ван Кревельд. Трансформация войны // М.2005;

- 74) Машкова Е.В., Балабанов И.Д. Международно-правовая квалификация вооруженного конфликта: актуальные вопросы судебной практики // Сборник докладов международной научно-практической конференции «Стратегия национального развития задачи российской юридической науки. М. 2016
- 75) Мэри Калдор . Новые и старые войны . Организованное насилие в глобальную эпоху // М.2015;
- 76) Рачков И.В. Консультативное заключение Международного Суда ООН о правовых последствиях возведения стены на оккупированной палестинской территории // Международное публичное и частное право, 2005;
- 77) Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы // М. 1967;
- 78) Уилер Д.С. Американская политика в Германии (1945-1950) // М., 1960;
- 79) Хенкертс Ж.М., Досвальд-Бек Л., при участии Алверман К., Дёрмана К. и Ролла Б. Обычное международное гуманитарное право, том 1 Нормы // МККК 2006;
- 80) Шпаро О.Б., Захват Кипра Англией // М., 1974;
- 81) Эрик Давид, Принципы права вооруженных конфликтов // МККК, Москва, 2011;
- 82) Юроу Х .Р., Свобода усмотрения в развивающейся юриспруденции Европейского суда по правам человека // Kluwer Law International, London, Boston and The Hague, 1996;

Электронные ресурсы

- 1) [МИД РФ, Общие элементы поведения, рекомендуемые для большинства государств мира, в целях недопущения нежелательных инцидентов,](http://www.kdmid.ru/info.aspx?lst=info_wiki&it=/Obshchiye%20elementy%20povedeniya.aspx) URL: http://www.kdmid.ru/info.aspx?lst=info_wiki&it=/Obshchiye%20elementy%20povedeniya.aspx;
- 2) Госдепартамент США, U.S. Relations With Cyprus, URL: <https://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/5376.htm>;

- 3) The selection of documents of the everyday life during the repression times, Historical background and formal characteristics, Based on the holdings of the Foundation for „Polish-German Reconciliation” Archive, Warsaw 2009, URL: http://www.fjnp.pl/edukacja/dokumenty_eng.pdf
- 4) The Constitutional (Overthrow of the Kingdom of Hawaii); URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4482&context=penn_law_review;
- 5) Illegal Exploitation of Greek Cypriot properties by Turkey in occupied areas, 2005, URL: <http://www.cyprusfederation.org/?p=385>;
- 6) Buying property situated in Northern Cyprus, Information Sheet №41, 2010, URL: <http://www.totalserve.eu/Assets/Images/uploadedContent/CMS/documents/Images/informationSheetno411475734289.pdf>;
- 7) Property Restitution and compensation, Practices and Experiences of Claims Programmes, International Organization for Migration |// International Organization for Migration, 2008, p.21 URL: http://publications.iom.int/system/files/pdf/property_restitution_compensation.pdf;
- 8) Iraq and Israel/Palestine Statement, HC Deb 28 April 2003, cc32-3, URL: <https://www.theyworkforyou.com/wms/?id=2003-05-07.34WS.1>;
- 9) Orly Rachmilovitz, Palestinian Property Rights in the Shadow of Occupation, June 06, 2016, URL: <http://versa.cardozo.yu.edu/viewpoints/palestinian-property-rights-shadow-occupation>;
- 10) Mohsen Moh'd Saleh, On the Experience of the Palestinian Liberation Organization, 2012, URL: http://www.palestinechronicle.com/old/view_article_details.php?id=19655;

- 11) М. Сассоли и Л. Олсон. Решение Апелляционной камеры МУТЮ по существу дела Тадича. Новые горизонты для международного гуманитарного и уголовного права? URL: <http://referatvpm.nugaspb.ru/reshenie-apellyacionnoj-kameri-mutyu-po-sushestvu-dela-tadicha.html>;

Список нормативных актов и международных документов:

- 1) Agreement on the occupation zones in Austria and the administration of the City of Vienna, 9 July 1945, URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/8f66e4ad-f336-499b-9cec-9cd99eb3af1f/publishable_en.pdf;
- 2) Brussels Project of an International Declaration Concerning the Laws and Customs of War 1874
- 3) Convention on relations between the three Western Powers and the Federal Republic of Germany, 1952;
- 4) Hague Convention (II) on the Laws and Customs of War on Land, 29.07.1899;
- 5) Hague Declaration (IV,2) concerning Asphyxiating Gases, 29.07.1899;
- 6) Hague Declaration (IV,3) concerning Expanding Bullets, 29.07.1899;
- 7) Hague Convention on Hospital Ships, 21.12.1904;
- 8) Hague Convention (III) on the Opening of Hostilities, 18.10.1907;
- 9) Hague Convention (IV) on War on Land and its Annexed Regulations, 18.10.1907;

- 10) Hague Convention (V) on Neutral Powers in case of War on Land, 18.10.1907;
- 11) Hague Convention (VI) on Enemy Merchant Ships, 18.10.1907;
- 12) Hague Convention (VII) on Conversion of Merchant Ships, 18.10.1907;
- 13) Hague Convention (VIII) on Submarine Mines, 18.10.1907;
- 14) Hague Convention (IX) on Bombardment by Naval Forces, 18.10.1907;
- 15) Hague Convention (XI) on Restrictions of the Right of Capture, 18.10.1907;
- 16) Hague Convention (XIII) on Neutral Powers in Naval War, 18.10.1907;
- 17) Hague Declaration (XIV) on Explosives from Balloons, 18.10.1907
- 18) Occupation Statute of Germany, Bonn, 12 May 1949, URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2003/10/21/6750efd3-4b34-4fec-9a4a-df0ff125d302/publishable_en.pdf;
- 19) Protocol on the termination of the occupation regime in the Federal republic, 1954;
- 20) Protocol 1 to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 1952;
- 21) Project of an International Declaration concerning the Laws and Customs of War. Brussels, 27 August 1874, URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/135?OpenDocument>;

- 22) Potsdam Agreement, Protocol of the Proceedings, August 1, 1945 URL: https://www.nato.int/ebookshop/video/declassified/doc_files/Potsdam%20Agreement.pdf;
- 23) State Treaty for the Re-establishment of an Independent and Democratic Austria, Vienna, 15 May 1955, URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/3/2/5c586461-7528-4a74-92c3-d3eba73c2d7d/publishable_en.pdf;
- 24) The Treaty of Annexation - Texas; April 12, 1844, URL: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/texan05.asp;
- 25) Акт о военной капитуляции Германских Вооруженных Сил, Берлин, 8 мая 1945, URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15129> ;
- 26) Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии Правительствами СССР, Соединенного Королевства и США и Временным Правительством Французской Республики, URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15130> ;
- 27) Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года, URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml;
- 28) Европейская Конвенция по защите прав человека и основных свобод http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ ;
- 29) Заключительный акт Венского конгресса от 29 мая (9 июня) 1815 года
- 30) Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, URL: <https://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true>;

- 31) Конституция Франции от 3 сентября, 1791 // National Assembly September 3, 1791 URL: <http://wp.stu.ca/worldhistory/wp-content/uploads/sites/4/2015/07/French-Constitution-of-1791.pdf>;
- 32) Устав Организации Объединенных Наций, 1945, URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ ;

Документы ООН:

- 1) Резолюция A/RES/62/243, принятая Генеральной Ассамблеей 14 марта 2008;
- 2) Резолюция 2253 (ES-V), принятая Генеральной Ассамблеей 4 июля 1965;
- 3) Резолюция 2443, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 1968;
- 4) Резолюция 2727, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1970;
- 5) Резолюция 2728, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1970;
- 6) Резолюция 2851, принятая Генеральной Ассамблеей 20 декабря 1971;
- 7) Резолюция 3005, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1972;
- 8) Резолюция 3240, принятая Генеральной Ассамблеей 29 ноября 1974;
- 9) Резолюция 3525, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1975;
- 10) Резолюция 31/106, принятая Генеральной Ассамблеей 16 декабря 1976;
- 11) Резолюция 32/91; принятая Генеральной Ассамблеей 13 декабря 1977;
- 12) Резолюция 33/113, принятая Генеральной Ассамблеей 18 декабря 1978;
- 13) Резолюция 34/90, принятая Генеральной Ассамблеей 12 декабря 1979;
- 14) Резолюция 35/122, принятая Генеральной Ассамблеей 5 декабря 1980;

- 15) Резолюция 36/147, принятая Генеральной Ассамблеей 16 декабря 1981;
- 16) Резолюция 37/88, принятая Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1982;
- 17) Резолюция 38/79, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1983;
- 18) Резолюция 39/95, принятая Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1984;
- 19) Резолюция 41/63, принятая Генеральной Ассамблеей 3 декабря 1986;
- 20) Резолюция 43/58, принятая Генеральной Ассамблеей 6 декабря 1988;
- 21) Резолюция 3376, принятая Генеральной Ассамблеей 10 ноября 1975;
- 22) Резолюция 2546, принятая Генеральной Ассамблеей 11 декабря 1969;
- 23) Резолюция 2628, принятая Генеральной Ассамблеей 4 ноября 1970;
- 24) Резолюция 2792, принятая Генеральной Ассамблеей 6 декабря 1971;
- 25) Резолюция 3336, принятая Генеральной Ассамблеей 17 декабря 1974;
- 26) Резолюция 3516, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1975 года;
- 27) Резолюция 31/186, принятая Генеральной Ассамблеей 21 декабря 1976;
- 28) Резолюция 32/161, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 1977;
- 29) Резолюция 34/136, принятая Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1979;

- 30) Резолюция 36/173, принятая Генеральной Ассамблеей 17 декабря 1981;
 - 31) Резолюция 37/135, принятая Генеральной Ассамблеей 17 декабря 1982;
 - 32) Резолюция 38/144, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 1983;
 - 33) Резолюция 66/225, принятая Генеральной Ассамблеей 22 декабря 2011;
 - 34) Резолюция 3236, принятая Генеральной Ассамблеей 22 ноября 1974;
 - 35) Резолюция 31/20, принятая Генеральной Ассамблеей 24 ноября 1976;
 - 36) Резолюция 32/40, принятая Генеральной Ассамблеей 2 декабря 1977; :
- 1) Резолюция 186, принятая Советом Безопасности 4 марта 1964;
 - 2) Резолюция 353 принятая Советом Безопасности 20 июля 1974;
 - 3) Резолюция 541 принятая Советом Безопасности 18 ноября 1983;
 - 4) Резолюция 550 принятая Советом Безопасности 11 мая 1984;
 - 5) Резолюция 686 принятая Советом Безопасности 2 марта 1991;
 - 6) Резолюция 687 принятая Советом Безопасности 3 апреля 1991;
 - 7) Резолюция 853 принятая Советом Безопасности 29 июля 1993;
 - 8) Резолюция 450 принятая Советом Безопасности 14 июня 1979;
 - 9) Резолюция 452 принятая Советом Безопасности 20 июля 1979;
 - 10) Резолюция 465 принятая Советом Безопасности 1 марта 1980;
 - 11) Резолюция 467 принятая Советом Безопасности 24 апреля 1980;
 - 12) Резолюция 468 принятая Советом Безопасности 8 мая 1980;
 - 13) Резолюция 471 принятая Советом Безопасности 5 июня 1980;
 - 14) Резолюция 592 принятая Советом Безопасности 8 декабря 1986;
 - 15) Резолюция 641 принятая Советом Безопасности 30 августа 1989;
 - 16) Резолюция 774 принятая Советом Безопасности 26 августа 1992;
 - 17) Резолюция 939 принятая Советом Безопасности 29 июля 1994;

- 18) Резолюция 1179 принятая Советом Безопасности 29 июня 1998;
- 19) Резолюция 1217 принятая Советом Безопасности 22 декабря 1998;
- 20) Резолюция 1251 принятая Советом Безопасности 29 июня 1999;
- 21) Резолюция 550 принятая Советом Безопасности 11 мая 1984 года;
- 22) Резолюция 578 принятая Советом Безопасности 12 декабря 1985 года;
- 23) Резолюция 649 принятая Советом Безопасности 12 марта 1990.
- 24) Резолюция 1218 принятая Советом Безопасности 22 декабря 1998;
- 25) Резолюция 1013 (XI), принятая Советом Безопасности 7 сентября 1995;
- 26) UN, Document numbered S/2003/538.
- 27) UN, Document numbered S/1993/25704.

Материалы судебной практики:

- 1) A-Ram Local Council v Government of Israel, HCJ 5488/04, 13.12.2006;
- 2) Alfei Menashe Local Council v Government of Israel, HCJ 10309/06, 29.8.2007;
- 3) ECHR – Tyrer v. United Kingdom, 1978;
- 4) ECHR – Marckx v. Belgium, 1979;
- 5) ECHR – Loizidou v. Turkey, 1998;
- 6) ECHR – Cyprus v. Turkey, 2001;
- 7) ECHR – Chigarov and Others v. Armenia, 2015;
- 8) Grand Chamber judgment in the case of Cyprus v. Turkey (application no. 25781/94);
- 9) HCJ 5931/06, Hussein v. Cohen, Decided: April 15, 2015, URL: <http://versa.cardozo.yu.edu/opinions/hussein-v-cohen>
- 10) Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory of 9 July 2004, URL: <http://www.icj-cij.org/en/case/131>;
- 11) Mara'abe et al. v Prime Minister of Israel et al., H.C.J. 7957/04, 15 September 2005;
- 12) Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory of 9 July 2004, URL: <http://www.icj-cij.org/en/case/131>;

- 13) U.S. Supreme Court, Ex parte Milligan, US Reports, 71, 1866;
- 14) U.S. Supreme Court, Baldy v. Hunter, US Reports, 171, 1897;
- 15) ЕСПЧ - Евгения Михаэлиду Девелопментс Лтд и М. Тимвиос против
Турции,
[http://www.law.gov.cy/Law/lawoffice.nsf/All/CB022AE6554023C3C22574240031070A/\\$file/Michaelidou%20Developments%20Ltd%20&%20Tymvios%20v%20Turkey%2031.7.2003.doc](http://www.law.gov.cy/Law/lawoffice.nsf/All/CB022AE6554023C3C22574240031070A/$file/Michaelidou%20Developments%20Ltd%20&%20Tymvios%20v%20Turkey%2031.7.2003.doc) ;
- 16) ЕСПЧ - Демадес против Турции,
<http://www.echr.ru/documents/doc/5593067/5593067.htm>.

